

**ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПОЛИТИКА УКРЕПЛЕНИЯ
КЛАССОВЫХ ПОЗИЦИЙ ДВОРЯНСТВА
В КОНЦЕ XIX ВЕКА**

После реформы 1861 г. дворянство, как сословие старого феодального общества, вступило в период кризиса и разложения. Субъективная неспособность быстро переориентироваться, отказаться от всего привычного, от удобной и устроенной на даровом труде жизни плюс к этому объективные трудности, жестокий сельскохозяйственный кризис, а кроме того, политика протекционизма, достигшая апогея в 1891 г. с введенным запретительного тарифа, имело своим итогом потерю дворянством к концу XIX в. десятков миллионов десятин.

По правительственным сведениям, дворянское землевладение сократилось с 77,8 млн до 57,7 млн десятин к 1892 г., т. е. на 20 млн, или 25,8%.¹ Эта потеря, которая несомненно является важнейшим показателем для оценки положения дворянства, как класса, не позволяет, однако, сделать вывод о его сплошном упадке и деградации. Если дворянство являлось крупнейшим продавцом земли, то оно же на долгие годы оставалось ее крупнейшим покупателем, хотя его удельный вес при этом постоянно падал.² Это означало, что в дворянском землевладении в огромных масштабах шло перераспределение собственности.

Громадная важность совершавшихся внутри дворянства процессов для всего существующего и оставшегося нетронутым государственного строя, возникшие для него опасности вследствие ослабления дворянства не укрылись от правящей верхушки. В царствование Александра III смыслом правительственной политики стало предотвращение дальнейшего ослабления позиций дворянства.

Но при всей решимости, с какой проводился реакционный курс, решение дворянского вопроса не было достигнуто. И когда

¹ ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 209.

² И. Г. Дроздов. Судьбы дворянского землевладения в России и тенденции к его мобилизации. Пгр., 1917, стр. 16.

на престоле оказался Николай II, то в самом начале его правления была сделана новая попытка возродить дворянство. Но возродить его на почве опять-таки не капиталистической, не как новый класс земельных собственников, а на тех остатках прошлого, какие еще во множестве сохранились десятилетия спустя после отмены крепостного права. Преемственность обоих царствований едва ли не быстрее всего сказалась и в том, какое место занял в правительственной политике дворянский вопрос, и в самом подходе к его решению.

Кроме мер уже осуществленных, вроде учреждения Дворянского банка, создания института земских начальников, пересмотренного представительства в земствах, Александр III оставил своему преемнику и некоторые проекты по Дворянскому делу, тоже весьма радикального характера. Принятие их тормозилось самой важностью того предмета, которого они касались, важностью, превосходившей все сделанное до того. Предыдущие шаги вели к реставрации дворянства в рамках созданного после реформы 1861 г. порядка. И при Александре III возник другой план спасения дворянского землевладения и самого дворянства, который изымал в сущности дворянское землевладение из сферы капиталистических отношений и выводил дворянство на дорогу, ведущую прямо к восстановлению в экономике порядков феодального общества.

Возникновение замысла относится к 1887 г., когда Полтавское дворянское собрание по докладу А. В. Мещерского, губернского предводителя дворянства, приняло обращение к «Высшему правительству» с ходатайством о предоставлении дворянству права учреждать заповедные имения.

О чем шла речь видно из того, что обрисовав хозяйственную эволюцию дворянства, понимаемую как быстрое оскудение и конечное разорение сословия, Мещерский оценил переживаемый момент как имеющий исключительную важность, когда ребром поставлен вопрос — быть или не быть дворянству. Теперь, убеждал Мещерский собрание, наступил «последний льготный час».³ И единственным средством спасения представлялось ему возвращение к указу Петра I о майоратах 1714 г. Единонаследие на основе неотчуждаемости имения оказалось тогда неудачным опытом, продолжавшимся всего 16 лет.

Князь Мещерский не вдавался в рассуждения о том, насколько его проект соответствует современной строю жизни России, он не раздумывал о том, каковы будут его экономические и социальные последствия, куда денутся те, кто будет лишен наследства. Он довольствовался тем, что в Англии нечто подобное существует.

³ Записка о заповедных имениях губернского предводителя князя А. В. Мещерского. ЦГИА, ф. 1157, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 127.

Полтавское дворянское собрание признало его доводы вполне основательными и, тоже не вдаваясь в подробности, обратилось к правительству с единогласным ходатайством разрешить полтавским дворянам учреждать заповедные и единонаследные имения размером не ниже 400 десятин земли.⁴

Пример полтавских дворян оказался заразителен. С 1887 г. в Министерство внутренних дел поступили тождественные ходатайства от дворянства Уфимской, Таврической, Екатеринославской, Калужской, Псковской, Нижегородской, Харьковской, Херсонской, Казанской, Пензенской, С.-Петербургской, Симбирской и Владимирской губерний. Из 28 дворянских обществ за предоставление права делать имения заповедными выказалось 16.

Лейтмотивом рассуждений о переживаемом дворянством упадке было признание неконкурентности дворянства. Не сельскохозяйственный кризис оказывался главной причиной утраты дворянством земли, а то, что оно не могло выдержать натиска «новых людей», «коммерческих людей», как называли помещики нарождающуюся сельскую буржуазию. Заповедность понималась ими как своего рода контриаступление на новый, вытесняющий дворянство элемент, на удачливого конкурента. Она должна была окружить дворянское землевладение непроходимым рвом.

Таким очень простым, как казалось сторонникам этой реформы, механическим способом можно было закрепить наличное статус кво. Прельщаемые примером Англии, с ее насчитывавшими не одну сотню лет майоратами, они с легкостью перенесли институт эпохи расцвета феодального общества в обстановку развитого капитализма, видимо, даже не отдавая себе отчета в том, как велика разница между двумя формациями.

Конечно, на самом деле привить уже вполне развитому капитализму столь значительный отросток феодального уклада, к чему сводилась реформа, было крайне сложно, что и обнаружилось довольно быстро, когда от общих рассуждений перешли к практическому рассмотрению предлагаемого новшества. Тут сразу же запутались в неразрешимых противоречиях.

В Петербурге дворянские домогательства были встречены благоприятно. 20 ноября 1891 г. Александр III, по докладу председателя Государственного совета великого князя Михаила Николаевича, приказал образовать для выработки мер по укреплению дворянского землевладения Особую комиссию под председательством Н. С. Абазы. Она была поставлена широко. В нее должны были войти представители министерств Внутренних дел, Финансов, Государственных имуществ и Юстиции. Так в высших правительственных инстанциях началось рассмотрение дворянского вопроса, занявшее многие годы. По несколько лет заседали две большие комиссии, в которые входили высшие сановники и важ-

⁴ ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 133 об.

нейшие министры. На прения были потрачены сотни часов. Из недр комиссий выходили тщательно разработанные проекты. Государственный совет не раз высказывал о них свои суждения. Все говорило о том, что законодательная машина работала с полной нагрузкой. Забегая вперед, следует сказать, что вся эта усиленная работа приведенного в движение механизма шла вхолостую. Примирить дворянские домогательства с общим направлением развития страны оказывалось положительно невозможным.

Комиссия Н. С. Абазы начала свои заседания 4 февраля 1892 г. и закончила их 16 ноября. Членами ее являлись В. К. Плеве, Н. В. Шидловский, А. В. Иванов, А. С. Ермолов, Н. А. Иванов, И. И. Шидловский, И. И. Тихеев, В. В. Калачов, М. В. Красовский, князь Л. Д. Вяземский, граф А. А. Голенищев-Кутузов, князь А. Д. Оболенский. Кроме того, в работах комиссий принимали участие граф А. А. Бобринский, А. А. Нарышкин, предводители дворянства: Пензенской губернии — Д. К. Гевлич, Рязанской — Л. М. Муромцев, Харьковской — граф В. А. Капнист, Тульской — А. А. Арсеньев и некоторые другие.

Уже на подготовительной стадии верная духу дворянских ходатайств она встала на позицию воинствующей антибуржуазности.⁵

Вместе с тем на заседаниях развернулись острые дискуссии, показавшие, насколько рассматриваемый проект был уязвим и нелогичен. Оспоренной оказалась главная мысль, легшая в основу деятельности Комиссии, — о необходимости широко ввести институт заповедности как единственном средстве предотвращения упадка дворянства. Князя Л. Д. Вяземский и А. Д. Оболенский напомнили, насколько неудачны были прежние попытки со времен Петра склонить дворянство к устройству заповедных имений. Не привившись в крупном землевладении, располагавшем значительными денежными средствами, заповедность резко несоответствовала нуждам и возможностям мелких и средних поместий. Их владельцы, полагали Вяземский и Оболенский, не имея значительного свободного капитала, будут поставлены ограничением права залога «в совершенную невозможность добыть необходимые средства для введения желательных усовершенствований в хозяйство или для устранения его расстройств».⁶

Не менее важным препятствием считали они невозможность обеспечить средствами на жизнь лишаемых наследства членов семьи. Поэтому мнение обоих было безусловно отрицательным. Они рекомендовали вовсе отказаться от предлагаемой меры. Един-

⁵ Краткий исторический очерк учреждений, устанавливающих неделимость и неотчуждаемость земельной собственности. ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1.

⁶ Журнал высочайше учрежденной особой Комиссии для обсуждения возбужденного дворянскими собраниями вопроса о мерах к поддержанию дворянского землевладения. ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 43.

надцать других членов комиссии во главе с председателем придерживались прямо противоположного взгляда. Но возражения, которыми пренебрегло большинство Комиссии, стали затем на многие годы камнем преткновения для всех попыток решить поднятый вопрос в духе дворянских пожеланий.

Итак, следовательно, уже с первых шагов обнаружилось, что вся работа большинства Комиссии, упорно продолжавшего видеть в заповедности действенный способ достижения поставленной цели, имела под собой шаткие основания. Сама цель получала теперь наиболее точное определение. Ею объявлялось укрепление на земле среднего дворянства — сохранение как крупного, так и мелкого дворянского землевладения не вызывалось, по мнению заседавших, «государственной необходимостью».⁷

Что же понималось под среднепоместным дворянством? Каков был круг лиц, на которых распространялась забота Комиссии? К этой категории Комиссия относила помещиков, получавших доход от 1500 до 7500 руб., т. е. капитализируя его из 5%, владевших имениями ценностью от 30 тыс. до 150 тыс. руб.⁸ По предложениям Комиссии, преобладать должна была группа с низшим доходом.

Закрепить на земле этот слой, провести в жизнь намечаемую формулу мыслилось предоставлением самых широких льгот. Большим местом дворянства всех разрядов и степеней было погашение долгов. С первого года основания Дворянского банка началось прогрессирующее накопление недоимок. А так как Комиссия решила, что заповедными можно будет объявлять и заложенные имения (допущение, заключающее в себе явное противоречие), то, принимая во внимание весь уже накопленный опыт, следовало подумать и о том, как быть с недоимками заповедного имения. Допустив абсолютно противоречащее заповедности право обращать в заповедные задолженные имения, Комиссия в отступление от основного смысла заповедности вынуждена была допустить и возможность продажи такого имения за долги. Однако эту формально признанную возможность Комиссия постаралась сделать как можно менее реальной, капитально ограничив банк в праве требовать и получить деньги обратно. По скромному определению самой Комиссии предлагаемый порядок представлял для банка «некоторые опасности». Действительно, получение отданных займы средств становилось весьма и весьма проблематичным. Эмансипируя должника от банка, Комиссия наметила еще одну меру, подрывавшую самую основу заповедности, но зато выгодную помещикам. Большинство предусматривало право владельца заповедного имения заключать в Дворянском банке займы под залог этой не подлежавшей продаже собственности в размере

⁷ ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 46 об.

⁸ Там же, лл. 47 об.—48.

одной трети ее стоимости. Цель — для усовершенствования хозяйства и для наделения средствами лишаемых наследства членов семьи. Последнее оказалось едва ли не самой трудной проблемой, потому что здесь выход приходилось искать не за счет государства, а за счет ненаследующих членов семьи. Считая, что производимые, по существующему закону, разделы имений между наследниками поровну подрывают дворянское землевладение не менее, чем накапливающаяся задолженность, Комиссия, с одной стороны, была твердо убеждена в необходимости единонаследия, но, с другой стороны, положительно не знала, что делать со всеми остальными членами семьи — то она была готова нищими выставить их на улицу, то склонялась к мысли, что каким-то образом их все-таки следует обеспечить. Комиссия отдавала себе отчет в опасности и нежелательности такой ситуации, когда «один из членов семьи сохранил бы все выгоды почтенного положения дворянина-помещика, прочие вынуждены были бы снискивать себе пропитание всякими способами. Едва ли можно сомневаться в том, — логично рассуждала Комиссия, — что столь резкое различие в участи членов одного и того же дворянского семейства возбudit в обездоленных горькие чувства и справедливые сетования».⁹ Но найти здесь рациональный выход она не могла.

Устанавливаемый порядок выплаты ненаследующим членам семьи юридически был весьма сложен и создавал большую неопределенность и путаницу.

А на практике новый закон о заповедных имениях имел бы одно немедленное последствие: помещики, бывшие на шаг от банкротства или быстро приближавшиеся к нему, получали новую возможность еще каким-то образом продлить свое существование, оттянуть на годы свою несостоятельность. И размер долга, при котором можно было учреждать заповедные имения, и свободные отношения должников с Дворянским банком с ничем не прикрытой откровенностью показывали, о ком в первую очередь печется Комиссия. Что весь проект был задуман как экстренная мера и имел назначением дать разоряющимся помещикам временную передышку видно и из того, что Комиссия рекомендовала создать срочно-заповедные имения, а не вечно-заповедные, которые через поколение снова могли перейти на обычное положение по желанию внука учредителя.

Комиссия любой ценой хотела сохранить в экономическом организме гангренозные образования, какими были неспособные хозяйствовать дворяне. Но это стремление во что бы то ни стало спасти гибнущие элементы требовало такого грубого насилия над всем установившимся строем жизни, стояло в таком конфликте с реальными возможностями, что при самой ординарной способности считаться с действительностью несообразность за-

⁹ Там же, л. 78 об.

думанного бросалась в глаза. Беспочвенность выработанного проекта была убедительно продемонстрирована в особом мнении члена Комиссии Н. И. Шидловского, настроенного вполне консервативно, не согласившегося с Оболенским и Вяземским в их отрицании всякой пользы от устройства заповедных имений, но и не утратившего совсем реального взгляда на окружающее.

Разрешать учреждение заповедных имений при предусмотренной задолженности в 60% он считал мерой, не имеющей ни малейшего шанса достичь желаемого результата. «Нельзя не опасаться, — писал об этом Шидловский, — что владельцы, потерявшие всякую надежду спасти разоренные имения, станут прибегать к обращению их в заповедные с единственной целью воспользоваться новыми льготами по отсрочкам и рассрочкам платежей Дворянскому банку».¹⁰

А переданный перед внесением в Государственный совет на заключение ведомств проект Комиссии натолкнулся на такие возражения, которые в сущности выбивали из под него самую основу. В замечаниях статс-секретаря Э. Фриша, возглавлявшего Кодификационный отдел при Государственном совете, высказывалось несогласие с положением, фактически лишавшем ненаследующих членов семьи материального обеспечения.¹¹

Министр юстиции Манасеин отнесся с «полным сочувствием» к мысли о введении института срочно-заповедных имений, полагая, что готовящееся нововведение «без сомнения будет способствовать упрочению дворянских имений за владеющими их родами и образованию на местах желательного в целях правительственной политики класса дворян-землевладельцев».¹² Но создание прочного, внутренне крепкого дворянского землевладения представлялось Манасеину недостижимым при предусмотренном размере задолженности и, развивая примерно ту же аргументацию, что и Шидловский в своем особом мнении, он приходил к категорическому выводу, что обращение имений со значительными долгами в срочно-заповедные является «бесцельным и отнюдь не желательным».¹³

Высшей нормой возможной задолженности он предлагал сделать 33% от стоимости имения, но с тем чтобы за вычетом долгов оно стоило бы не менее 30 тыс. руб.¹⁴

¹⁰ Особое мнение члена Комиссии сенатора Шидловского. ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 106.

¹¹ Отношение главного управляющего Кодификационным отделом при Государственном совете председателю Комиссии о мерах к поддержанию дворянского землевладения от 30 января 1893 г. ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 221 об.

¹² Отношение министра юстиции Манасеина председателю Комиссии о мерах к поддержанию дворянского землевладения от 21 мая 1893 г. ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 231.

¹³ ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 233 об.

¹⁴ Там же, л. 234 об.

Эти-то предложения Манасеина и стали главным пунктом контрвозражений большинства Комиссии, когда она собралась в конце ноября 1893 г. для рассмотрения и ответа на замечания ведомств по выработанному ею проекту.

В своем ответе Манасеину она со всей откровенностью показала, что смыслом нового закона должно стать спасение банкротов, что действует она в убеждении, что наступил, по выражению А. В. Мещерского, «последний льготный час» и нужно спасти то, что спасти было по всем разумным соображениям уже невозможно.

Она и сама вполне сознавала, что возможность добыть необходимые на жизнь средства для владельцев имений, составлявших в сущности говоря, один голый долг, «будет на первых порах гадательна».¹⁵ Конечно, и относительно более отдаленного будущего Комиссия не могла сделать никаких оптимистических прогнозов и потому «гадательной» для самих авторов проекта оставалась вся судьба «заповедных» имений, которые при естественном ходе дел со дня на день должны были пойти с молотка и весь расчет строился в надежде на нечто сверхъестественное, иррациональное, на то, что кривая как-нибудь вывезет, вопреки здравому смыслу и логике. Точка зрения Комиссии была выражена со всей возможной простотой и недвусмысленностью — как бы ни было плохо дворянское землевладение, как бы дурно не велось хозяйство — его надлежало спасти. Поэтому аргумент, противопоставленный рассуждениям Манасеина, был один — его поправки «лишали бы огромное большинство дворян-землевладельцев возможности обратить их имения в срочно-заповедные».¹⁶ А раз это «огромное большинство» независимо от того, что оно собой представляло, и даже скорее по причине того, что это заведомо был слой, который сам своими силами спастись уже не мог и должен был, по всем разумным предположениям, погибнуть, под новый закон в редакции Манасеина не подпадало, то и редакцию эту, рассуждала Комиссия, надлежало отвергнуть. Изменив кое в каких незначительных частностях свой проект, она оставила его прежним. Теперь он был готов к внесению в Государственный совет. Комиссия заседала уже два года, со времени же первого ходатайства полтавского дворянства минуло шесть лет. И пока писались бумаги и шли обсуждения земля продолжала безостановочно уходить из дворянских рук. Не только объективные трудности, неумение приспособиться к развивающемуся капитализму вели к этому, но и соблазн непрерывно растущих цен на землю, все более обгонявших ее нормальную доходность. При

¹⁵ Журнал Комиссии о мерах к поддержанию дворянского землевладения. Заседание 29 ноября 1893 г. ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 8.

¹⁶ ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 7 об.

продаже земли дворянство получало огромную премию. Однако необыкновенно выгодная с чисто экономической точки зрения операция имела и существенный политический минус — продавая землю, т. е. средство производства, владение которым делало из дворянства определенный класс, оно несомненно ослабляло базу своего политического господства, и вызванные этим опасения получили среди дворян заметное распространение. Под влиянием усиливающейся тревоги оно обращается к власти с новыми ходатайствами, предлагая меры, которые могли бы, как казалось, приостановить утечку дворянской земли. Поступившие предложения обнаружили с полной очевидностью, что за прошедшие годы политически активные круги дворянства не продвинулись в понимании процессов, определявших течение экономической жизни. Они по-прежнему мыслили категориями, вполне отвечавшими феодальному способу производства, но составлявшими резкий диссонанс капиталистическому, — снова уповали на чисто механические меры, не понимая, насколько грубо нарушают они весь установившийся строй экономических отношений, и, чуждые ему, не только не могут при сохранении этого строя облегчить положение дворянства, но даже, при ближайшем рассмотрении, ухудшат его. Попытка действовать при полном незнании господствующих в экономическом развитии тенденций создавала лишь новые серьезные затруднения и путаницу. Воображаемый плюс оборачивался вполне реальным минусом.

Такой оказалась судьба двух предложений, поступивших на рассмотрение Комиссии. Одно исходило от Тульского губернского дворянского собрания, ходатайствовавшего о воспреещении продажи дворянских земель другим сословиям и о разрешении дворянам объявить нераздельными свои владения размером от 100 до 1000 десятин. Автором второго было Смоленское дворянское собрание, просившее о предоставлении дворянам права не делить при наследстве имение на участки, если они будут меньше 250 десятин. Равным образом это количество становилось минимумом, своего рода эталоном дворянского землевладения.

Первое предложение было самым радикальным и как будто бы прямым путем вело к поставленной цели.

Комиссия Н. С. Абазы уже доказала со всей несомненностью, что она понимает дворянские интересы так, как их понимают сами дворяне. Но эта, казалось бы, наиболее дворянская мера не встретила в ней сочувствия — и не мудрено. Внесенное предложение отличало полное отсутствие какой-либо попытки представить себе, а каковы будут его ближайшие последствия, если оно осуществится. И Комиссия, которая тоже не далеко заглядывала в будущее, в этом случае все-таки смогла проявить некоторое элементарное предвидение. Мысль, возникшая среди тульского дворянства «при крайней несложности своей, — допускала она, — представила бы вернейшее средство для совершенного прекраще-

ния убьли дворянского землевладения на будущее время».¹⁷ Но никаких других достоинств, кроме крайней простоты, в этом плане она не усмотрела. Сразу явился вопрос, а как отразится подобное ограничение на спросе на дворянскую землю. Отвечая, Комиссия констатировала, что «при современном положении дворянского сословия, в среде его вообще не много лиц, располагающих свободными средствами для покупки земель; в отдельных местностях число таких лиц совершенно ничтожно. Эти-то немногочисленные капиталисты из дворян и являются единственными покупателями всех продающихся в уезде или даже в губернии дворянских имений».¹⁸ Было очевидно, что должно произойти крутое понижение спроса на землю, а значит и цен на нее. Единственно кому это шло на пользу, так это упомянутым капиталистам из дворян, которые, пользуясь своим монопольным положением, могли за бесценок скупать землю их разоряющихся собратьев по сословию. Комиссия не затруднялась в выводе: «...денежные выгоды немногих богатых представителей сословия будут приобретаться ценой громадных потерь для всех дворян-помещиков, продающих свои имения. С другой стороны, неизбежное при этих условиях общее падение цен на дворянские поместья, в связи с трудностью вообще продажи их, должны сильно поколебать, значительно сократить и удорожить личный и ипотечный кредит помещного дворянства».¹⁹ Все это были конечно азбучные истины. Жить при капитализме и действовать вопреки ему оказывалось положительно невозможным. Лобовая атака на буржуазный элемент прямо вела к конечному упадку дворянства. Экономически абсурдное предложение тульского дворянства имело и весьма существенное, с точки зрения Комиссии, политическое последствие сугубо отрицательного свойства. Так как долги и прочие общие условия заставляли бы дворян по-прежнему распродавать поместья, то Комиссия считала неизбежным «сосредоточение всего современного пространства дворянских земель во владении немногочисленных дворян, скупщиков этих имуществ».²⁰ А это противоречило бы «как интересам местного управления, так и сельского хозяйства», ибо крупные собственники имели «естественное тяготение», как выражалась Комиссия, к городским центрам.

Точно также повернулось дело и со вторым ходатайством относительно права объявлять недробимым все имение или части его. Оно с не меньшей силой било бумерангом по интересам самого же дворянства. «Не трудно предвидеть, — заключала Комиссия, — что во многих случаях такое стеснение собственника

¹⁷ Журнал Комиссии для обсуждения мер к поддержанию дворянского землевладения. Заседания 14 января, 3 февраля и 19 марта 1893 г. и 7 февраля 1894 г. ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 348 об.

¹⁸ ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 349.

¹⁹ Там же, л. 349—349 об.

²⁰ Там же, л. 350.

в праве распоряжения землею будет приводить на практике к вынужденной продаже всего имения, к которой владелец при иных условиях никогда бы не прибегнул».²¹

В декабре 1893 г. проект о срочно-заповедных имениях был вынесен на обсуждение Государственного совета. Но к тому времени на рассмотрение Комиссии Абазы поступил еще проект об укреплении мелкопоместного землевладения. Соединенные департаменты приняли решение подождать с обсуждением первого до разработки и внесения в Государственный совет второго. На прохождение последнего по инстанциям ушло больше года, и заседание, на котором ему был придан Комиссией окончательный вид, состоялось лишь в апреле 1895 г. Затем прошло еще полгода прежде чем в ноябре 1895 г. председатель Комиссии Н. С. Абаза внес совокупность разработанных законопроектов в Государственный совет.

4 и 22 января 1896 г. состоялись заседания Соединенных департаментов Государственного совета, на которых были рассмотрены представленные рекомендации. Напомнив об инициативе полтавского дворянства в 1887 г. и прочих дворянских ходатайствах, Соединенные департаменты установили, что они «значительно расходятся» с законопроектом о срочно-заповедных имениях «по весьма существенным вопросам». В первую очередь отмечалось, что в ходатайствах испрашивалось разрешение учреждать небольшие наследственно-заповедные имения, тогда как Комиссия выработала законопроект о срочно-заповедных имениях применительно лишь к среднепоместному дворянству. Далее департаментам представлялось неясным, что следует понимать под среднепоместным дворянством. Этот термин ставился Комиссией в связь с «удовлетворением разумных потребностей средней дворянской семьи», но в чем заключались эти «разумные потребности» — оставалось загадкой.

В журнале департаментов заявлялось, что не ясно вообще, соответствуют ли рекомендуемые меры «пользе дворянства». Чтобы судить об этом, недоставало фактического материала. Поэтому Департаменты отказались высказать заключение по существу законопроекта.²²

Работа Комиссии, таким образом, оказывалась лишенной сколько-нибудь серьезной основы. И не возлагая на нее, видимо, больше никаких надежд, Департаменты решили, что необходимые данные могут быть предоставлены лишь Министерством внутренних дел (ему собрать их было «легко и удобно»). Ему же рекомендовалось Департаментами передать проекты Комиссии Абазы на рассмотрение дворянских собраний или предводителей дворянства. После этого Министерство внутренних дел должно было

²¹ Там же, л. 350 об.

²² Там же.

переработать все в соответствии с пожеланиями дворянства и внести окончательный вариант на рассмотрение Государственного совета «установленным порядком».

Таким образом, все надо было начинать с начала.

Удовлетворение дворянских домогательств отодвигалось тем самым на довольно значительный срок. Для выполнения намеченной Государственным советом программы понадобились бы годы. Однако отправляя все дело на вторичное рассмотрение, Государственный Совет не восстанавливал статус кво. Обстановка, в которой приходилось действовать Министерству внутренних дел, теперь была иная. И если смыслом данного ему поручения должно было явиться закрепление существующей площади дворянского землевладения, то ему приходилось считаться в первую очередь с тем фактом, что как раз за несколько месяцев до отклонения проекта Комиссии Абазы в Государственном совете правительством был сделан весьма важный шаг именно в области дворянского землевладения, имевший целью облегчить дворянам продажу своих земель путем предоставления им новых значительных преимуществ за счет крестьянства — главной категории покупателей дворянского земельного фонда. Желая, таким образом, продвинуться в решении крестьянского вопроса, правительство одновременно ставило перед собой, следовательно, как задачу сохранения земли в руках дворянства, так и продажу ее на возможно более выгодных для дворянства условиях. Эти цели друг с другом не совпадали.

30 января 1895 г. Министерство финансов представило в Государственный совет проект нового устава Крестьянского банка, главным нововведением которого было право банка приобретать за свой счет продающиеся имения для последующей продажи их крестьянам. Для этого отводился значительный капитал, образуемый из отчислений от выкупных платежей. В будущем предполагалось довести его до 50 млн руб. Эта сумма ясно указывала на то, что расчет делался на массовую скупку дворянских земель и что при полном развитии новая операция может выразиться в сотнях миллионов рублей. Кроме того, ссуда, выдаваемая банком крестьянам, повышалась до 90% стоимости покупаемой земли вместо прежних 75%. Рассмотрение дела Соединенными департаментами последовало 4, 8, 11 и 13 мая 1895 г. План Витте, хотя он, очевидно, должен был повести к новому повышению цен на продаваемую дворянами землю, несмотря на все содержащиеся в записке заверения противоположного характера, и был не просто, а чрезвычайно выгоден дворянству, прошел в Государственном совете далеко не гладко. При обсуждении образовалась группа, состоявшая из Маркуса 1-го, князя Имеретинского, Маркуса 2-го, фон Дервиза, барона Менгдена и Шидловского, решительно воспротивившаяся принятию основного новшества — покупки Крестьянским банком дворянской земли за свой счет.

Предложение Министерства финансов, заявляли они, ставило на повестку дня и неправильно решало главный вопрос всей внутренней политики, каким они считали распределение земельной собственности. Они доказывали, что обсуждаемая мера означает решительный отход от того направления, которого «постоянно держалось правительство в вопросах, касающихся землевладения и землевладельческих классов населения».²³

Предполагая, что в оборот будут втянуты земли на сотни миллионов рублей, они приравнивали новую деятельность банка к повторению выкупной операции и велико было их опасение, что именно так это будет понято крестьянством.²⁴

Особенные же опасения были связаны с дворянством. Боялись именно того, что оно соблазнится предлагаемой возможностью продать землю по высокой цене и те, кто при существующем порядке с нею бы легко не расстался, при новых условиях станут ее усиленно продавать. Начнется ускоренное сокращение площади дворянского землевладения, дополнительно убыстряемое еще и тем побочным обстоятельством, что дворяне, покупающие землю, окажутся не в состоянии конкурировать с Крестьянским банком и предлагаемыми им высокими ценами.²⁵ И потому ожидали, что эта весьма выгодная экономически операция нарушит основные классовые интересы дворянства, поведет к его общему ослаблению.²⁶ В итоге произойдет «колебание исторически сложившихся поземельных отношений и основанного на них строя местной жизни, последствия которого трудно предвидеть во всем их объеме и во всяком случае нельзя признать желательными». Поэтому твердо звучало требование критиков проекта сохранить за Крестьянским банком исключительно посредническую функцию. Правда, они принимали рекомендацию Министерства финансов увеличить размер ссуды, выдаваемой крестьянам, до 90%, но это делалось в понимании того, что дворянская земля продаваться все равно будет — и в этом было отличие их от Комиссии Абазы — и если ее не купят крестьяне, которые по своей крайней нужде в приращении надела смогут заплатить за нее цену и совсем уже несообразную, то она перейдет как раз тому буржуазному элементу, который, и по мнению шести, был весьма вреден и с которого несообразные платы будет получить несравненно труднее, чем с бедствующего крестьянина. Лишь бы только такое перемещение земли совершалось «постепенно, естественным путем». Они могли бы добавить еще и чрезвычайно медленным

²³ Журнал Государственного совета в Соединенных департаментах Государственной экономики, Законов, Гражданских и духовных дел. Заседания 4, 8, 11 и 13 мая 1895 г., ЦГИА, ф. 1148, оп. 12, д. 34, л. 222.

²⁴ ЦГИА, ф. 1148, оп. 12, д. 34, л. 224.

²⁵ Там же, лл. 224 об.—225.

²⁶ Там же, л. 224 об.

путем²⁷ — в этом и заключалось для шестерки главное преимущество их поправки. А что при таком положении наступит неизбежное обострение крестьянского вопроса, их не заботило. Но к этому легко предвидимому будущему с большим опасением относились остальные участники состоявшегося обсуждения. В образовавшееся в числе семнадцати большинство входили Сольский, Каханов, Пободоносцев, Островский, Бунге, Филиппов, Ермолов, Витте, Горемыкин и др. Они признавали необходимость увеличить площадь крестьянского землевладения или создать хотя бы видимость стремления правительства к этому. «Первостепенная государственная важность» решения возникшей задачи даже не нуждалась, по их мнению, в доказательствах. И способ, позволявший богато вознаградить дворянство и смягчить острую нужду крестьян в земле, представлялся им весьма удачным.

Аргументация большинства в основных пунктах сводилась к тому, что нет причин опасаться так пугавших шестерку последствий, так как якобы после вступления Александра III волостным старшинам «брожение умов прекратилось совершенно». А что касается опасений меньшинства относительно быстрого размыва дворянского землевладения покупками Крестьянского банка, то большинство находило их сильно преувеличенными, так как на протяжении ряда лет банк для совершения этой операции будет располагать ограниченными средствами — в первые два года 5 или 6 млн руб. По этой же причине большинство считало маловероятным повышение цен на землю. Если же и обнаружатся какие-либо нежелательные, с точки зрения дворянства, последствия, то как Министерство финансов, так и Государственный совет сохраняют постоянную возможность контролировать действия банка и не допускать их несоответствия «общим видам государственного хозяйства». Несмотря, однако же, на все эти успокоительные соображения, большинство соглашалось, что проведение обсуждаемого плана в действие «требует особой осторожности» и принять его окончательно к исполнению можно будет не ранее, чем через два года, когда выяснятся практические результаты, а пока новый порядок на этот срок устанавливался условно в виде опыта.²⁸

Облегчая дворянству по представлению Министерства финансов возможность продать землю, Соединенные департаменты, когда спустя полгода они приступили к обсуждению рекомендаций Комиссии Н. С. Лазы, направленных к удержанию дворянского землевладения любой ценой в существующих границах,

²⁷ За 1883—1894 гг. крестьяне взяли ссуд на 70 млн руб., т. е. в год получалось менее 6 млн. Всего было куплено около 2 млн десятин земли. Общее число покупателей крестьян составило 290 тыс., не считая всего состава семьи. (ЦГИА, ф. 1148, оп. 12, д. 34, л. 49).

²⁸ ЦГИА, ф. 1148, оп. 12, д. 34, л. 230 об.

вступили бы с собой в противоречие, если бы одобрили оба проекта. И между принятием первого и передачей на вторичное дополнительное рассмотрение второго нельзя не видеть определенной связи.

Окончательно дело о новом уставе Крестьянского банка было решено на общем собрании Государственного совета 7 ноября 1895 г., вставшего на сторону большинства. При обсуждении разногласий не возникло. Общее собрание рассуждало с практической точки зрения. Оно приняло как данное громадную продажу дворянством своего земельного фонда и исходило из того, что в ближайшем будущем масштабы ее могут только увеличиться. Основываясь на сведениях министра финансов, оно исчислило объем совершающихся в последнее время сделок в 150 млн руб. Дворянское участие выражалось при этом продажей имений на сумму в 88 млн руб. в год и покупкой их на 47 млн руб.²⁹ В ближайшие десять лет, считало общее собрание, ценность продаваемой земли должна будет «далеко превзойти 1.5 млрд руб.»³⁰ На развитие столь грандиозного процесса перераспределения земельной собственности новая деятельность банка не сможет оказать сколько-нибудь существенного воздействия при том, что в первое пятилетие банк сможет приобрести земли не более чем на 8—10 млн руб.³¹ А между тем расчет делался на то, что он сумеет успокоить вызывавшую наибольшие опасения категорию крестьян — безземельных и малоземельных.³² Что же касается дворян, то им банк поможет продать имения «по возможности безубыточно». Ожидалось и обещалось, что продавцам помещикам он окажет «большую услугу».³³ 27 ноября 1895 г. мнение общего собрания было санкционировано царем и получило силу закона.

События с 1887 г., весь ход обсуждения дела в Государственном совете показывали, что в среде высшей бюрократии возникло определенное разномыслие по дворянскому вопросу. Выявились вполне крепостническое направление, сторонники которого предлагали идти напролом, ни перед чем не останавливаясь, не считаясь с буржуазной эволюцией страны, и направление, для которого эта буржуазная эволюция не прошла незамеченной, которое старалось к ней как-то приспособиться, во всяком случае не идти ей наперерез, на прямое столкновение с ней; появилось еще и нечто среднее, тяготевшее, впрочем, гораздо больше к первому направлению. Тот или иной оборот дворянского вопроса опреде-

²⁹ Мемория общего собрания Государственного совета 7 ноября 1895 г. ЦГИА, ф. 1159, оп. 1, д. 439, л. 68.

³⁰ ЦГИА, ф. 1159, оп. 1, д. 439, л. 68.

³¹ Там же, л. 67 об.

³² Там же, л. 69.

³³ Там же, л. 69 об.

лялся взаиморасположением и коллизией этих сил, имевших при все существовавших расхождениях одну общую платформу. От какого-либо либерализма все они были одинаково далеки. Неограниченное самодержавие было их знаменем. А почвой для разногласий служил вопрос о том, можно и нужно ли законсервировать старорежимное дворянство, сохранив его в целостности в том виде, как оно есть, в качестве опоры самодержавия, или же, откликаясь на требования жизни, сохранить в дворянстве то, что внутренне крепко, т. е. сумело приспособиться к новой обстановке, не стоит с ней во враждебных отношениях и потому, пусть меньше числом, может гораздо лучше послужить самодержавию, чем быстро идущие к упадку члены сословия, которые не только не могли оказать поддержки, но сами каждодневно нуждались в ней.

Сложность маневров противоборствующих сил в правительственных сферах помпозалась еще на сложность самого рассматриваемого явления. Дворянство, охваченное глубочайшими переменами, расколотое развитием капитализма на все более обособливающиеся фракции, имевшие различные интересы, отнимало всякую возможность подойти к нему с одинаковой мерой, выработать политику, одинаково приемлемую для тех, кто всеми своими корнями уходил в прошлое, душой и телом жил в мире, уже переставшем существовать, и для тех, кто вращался в развивающийся капитализм. И на экономические, и на политические проблемы общих ответов уже не было. Однако при всей разнохарактерности дворянства, сложности переживавшихся им изменений определяющими в его облике были черты старого. Прямые наследники крепостничества и носители его пережитков продолжали занимать господствующие позиции. Их голос звучал громче всех, они ближе всего стояли к трону, и когда на троне появился новый царь, в первые же месяцы своего правления заявивший во всеуслышание о верности духу предшествующего царствования, они удвоили свои усилия, чтобы добиться нужного им решения дворянского вопроса. В первые годы царствования Николая II этот вопрос выдвигается на первое место.

Стремление правительства укрепить положение дворянства, не останавливаясь перед крупными затратами, проявилось уже в начальные дни нового царствования. В манифесте о вступлении на престол объявлялось о понижении процентной ставки по ссудам должников Дворянского банка с $4\frac{1}{2}$ до 4%. Кроме того, понижались платежи должников Особого отдела банка, которые теперь платили соответственно 6 р. 15 к. и 5 р. 90 к. вместо 7 р. 15 к. и 6 р. 90 к. со 100 руб. долга.

По причине последнего между обязательствами Особого отдела и его ресурсами образовался разрыв в 18 029 953 руб., который имел только один источник пополнения — средства Государ-

ственного казначейства. Этот расход был отнесен к чрезвычайным в государственной росписи на 1894 г.³⁴

Подобные подачки проблему, конечно, не решали и в глазах заинтересованных лиц могли быть лишь многообещающим началом.

Реакционное дворянство проникается наступательным пастроением. Аппетиты разыгрываются все более.

Известным рубжом сделалось начало 1896 г. В «Гражданине» Мещерского — этом старейшем и влиятельнейшем органе дворянской реакции — с особенным удовлетворением отмечалось в связи с состоявшимся в Москве в середине января 1896 г. очередным губернским съездом: «Давно не было в Москве такого съезда дворян, такого оживления, таких горячих разговоров на „дворянские темы“». ³⁵ Мещерский был тем более доволен, что «чрезвычайное оживление», «особенное оживление» царило повсюду. Вскоре правительство представило самое недвусмысленное доказательство своего намерения в первую очередь заняться дворянским вопросом.

В начале февраля 1896 г. новый министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, сменивший на этом посту в октябре 1895 г. И. Н. Дурново, с санкции царя созвал в Петербурге совещание губернских предводителей дворянства для обсуждения дворянского вопроса. Оно открылось 10 февраля. По домам участники разъехались во второй половине марта. В этом съезде увидели событие чрезвычайной важности уже хотя бы потому, что ничего подобного не было с 1861 г., несомненный признак готовности правительства сделать для дворянства все возможное. С этим актом связывались планы контрнаступления по всему фронту, которое позволит дворянству вернуть утраченное, заново скрепить его союз с самодержавием. Так был поставлен вопрос Мещерским со всей присущей ему ясностью и договоренностью: «...многие... считают этот съезд губернских предводителей дворянства историческим событием потому, что он получает характер торжественной и решительной минуты, когда должно быть выяснено: быть или не быть русскому земельному дворянству как составной части российского самодержавного государства...». ³⁶ Ущеленно нагнетая драматизм, говоря о «торжественном и роковом значении настоящей минуты», безмерно сгущая краски и выводя на сцену «чудовищно разоренное дворянство», круги, рупором которых служил Мещерский, выдвигали программу «коренного возрождения» сословия. Паллиативы, ставшие привычными, и не достигавшие цели льготы, отвергались. От

³⁴ Об отчислении из средств Государственного казначейства 18 029 953 руб. на восполнение Особому отделу Государственного дворянского земельного банка. ЦГИА, ф. 1148, оп. 12, д. 17, л. 125 об.

³⁵ Из Москвы, 21 января. Гражданин, № 7, 25 января 1896 г., стр. 11.

³⁶ Дневники, 10 марта. Гражданин, № 21, 14 марта 1896 г., стр. 23.

власти требовались самые решительные, далеко идущие действия. Но какому пути призывали последовать ее, видно из развитой на страницах «Гражданина» еще до созыва предводителей дворянства концепции. «... для высших интересов государства, — писал Мецкерский, — не только выгодно быть неистощимым в снисходительности и помощи им (дворянам, — Ю. С.) для удержания имения, но выгодно даже идти дальше возможного и законного».³⁷

Все эти непомерные вождедения сливались в одном конкретном предложении. Целый период начинающегося царствования следует посвятить дворянскому вопросу.³⁸

Совещание предводителей много восприняло из программы «Гражданина». Оно усвоило весьма широкий подход к дворянской проблеме, как видно из обширной записки, в которой были подведены итоги многодневных работ совещания. Но в то же время оно и не было простым отголоском того, что появлялось на его страницах. В ходе заседаний выяснился основной факт — дворянство не представляло собой единого целого. Совещание оказалось довольно пестрым по составу. С одной стороны, в нем участвовал екатеринославский предводитель дворянства А. П. Струков, реакционнейший дворянский зубр, а с другой — орловский предводитель дворянства М. А. Стахович, будущий лидер дворянско-либеральной оппозиции, ставший вместе с Д. Н. Шиповым и другими основателем партии мирнообновленцев.

Однако расходясь между собой в некоторых вопросах, как с очевидностью показало дальнейшее, участники Совещания смогли все же найти общую почву в своих рекомендациях правительству.

В ходе совещания было рассмотрено более восьмидесяти вопросов. На заключение его участников были переданы проекты Комиссии Н. С. Абазы. Предводители получили неограниченную возможность высказать свой взгляд на широчайший круг проблем общегосударственного значения. На их суд был поставлен общий курс политики правительства в финансово-экономической области. И предводители действительно почувствовали себя прежде всего судьями, представив записку, мало чем отличающуюся от обвинительного акта.

Спустя тридцать пять лет после реформы правительству был предъявлен счет. Оно оказывалось виновником постигших дворянство невзгод. Его последовательные мероприятия, связанные с реформой 1861 г., довели сословие до полного упадка.

Но не бесполезные сожаления о прошлом владели предводителями, а практические заботы о настоящем. Цель их состояла в том, чтобы, добившись от правительства признания ошибочным

³⁷ Дневники, 17 января. Гражданин, № 6, 21 января 1896 г., стр. 19.

³⁸ Гражданин, № 22, 17 марта 1896 г., стр. 2.

курса максимального благоприятствования дворянству, однако в рамках возможного, который проводился до сих пор, опять-таки с отступлениями в пользу дворянства, побудить верховную власть перешагнуть эти рамки и пойти по пути уже ничем не ограниченной поддержки сословия.

Полное нежелание считаться с какими-либо резонами предопределяло отношение совещания к переданным на его рассмотрение проектам Комиссии П. С. Абазы и к тому, что было решено квалифицировать как сословные интересы. Большинство, состоявшее из предводителей Костромской, Нижегородской, Новгородской, Пензенской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Тульской, Харьковской, Черниговской, Ярославской и Екатеринославской губерний, полагало, что лучше один материально обеспеченный помещик, чем несколько малоземельных, и признало «крайне желательным» наискорейшее утверждение проектов Комиссии с соответствующими исправлениями.³⁹

При обсуждении вопроса о приобретении прав дворянства, т. е. о пополнении сословия, совещание в целом нашло нужным ограничить доступ чиновничества в дворянство и для этого повысить чин, предоставляющий дворянское достоинство, с действительного статского советника и соответствующих ему полковника и капитана первого ранга до тайного советника, генерал-майора и контр-адмирала.⁴⁰ После принятия этого решения харьковский предводитель граф Капнист, рязанский — Муромцев, курский — Дурново, пензенский — Гевлич, тульский — Арсеньев и воронежский — Сомов предложили считать дело исчерпанным. Однако остальные не согласились с этим, желая решить как быть с новыми землевладельцами, т. е. с тем буржуазным элементом, который оказался обладателем земельных имуществ после реформы 1861 г. Вокруг этого вопроса разгорелась острая дискуссия. Большинство предлагало приобщить их к дворянству. Оно опасалось превращения сословия во вполне замкнутую касту. Лишенное свежих пополнений, оно «будет обречено на вымирание».⁴¹ Еще более опасалось большинство, что в новых землевладельцах, не пользующихся никакими привилегиями, замкнутость и отчужденность дворянства «могут только возбудить ненависть».⁴² При таком положении не следовало допускать появления нового класса землевладельцев, параллельного дворянству, а, наоборот, нужно было «для общей пользы привлечь поименованных собственников в свою среду».⁴³ Сам прием предлагалось обставить известными

³⁹ Записка губернских предводителей дворянства, вызванных... министром внутренних дел в совещание о нуждах дворянского землевладения. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 21 об.

⁴⁰ ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 23 об.

⁴¹ Там же, л. 24.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, л. 24 об.

условиями, но определенно имелось в виду, что они не должны будут оттолкнуть основную массу кандидатов. Большинство, таким образом, готово было пойти на сближение с буржуазией, избравшей сферой приложения своего капитала сельское хозяйство, заключить с ней союз.

Подобный буржуазный союзник оказался, однако, неприемлемым для харьковского предводителя графа Капниста и курского — Дурново. С допуском новых землевладельцев, заявляли эти твердолобые крепостники, «изменится весь строй, дух и традиции дворянства». ⁴⁴ Кроме того, имелся еще и тот минус, что возможность стать дворянином побудит многих промышленников и вообще богатых людей обзавестись земельной собственностью, а это, рассуждали Дурново и Капнист, поведет к еще более ускоренной распродаже дворянского земельного фонда.

Настроенные в духе Комиссии Абазы, они скорее предпочитали вступить в открытую борьбу с этим опасным противником, чем троянским коном впускать его в свой дом. Нарушившееся единство было восстановлено при обсуждении другого весьма важного для дворянства вопроса — о Дворянском банке. С полным единодушием от правительства потребовали новых льгот и привилегий.

Совещание предводителей получило возможность высказаться и о новом уставе Крестьянского банка. Оно констатировало, что новые правила «возбудили в среде дворянства значительные опасения». ⁴⁵ Причины были в общих чертах те же, о которых говорило меньшинство Соединенных департаментов Государственного совета. Едва ли не более всего пугало, что у крестьян могут появиться «превратные мнения». Для успокоения Витте послал на совещание управляющего банком А. Д. Оболенского, а затем и лично подтвердил разъяснения своего подчиненного, который сосредоточил внимание своих слушателей на выгодах, извлекаемых дворянами от продажи земли банку. Деньги они будут получать «без проволочки», а цену покупатели (крестьяне) смогут заплатить большую. ⁴⁶ Эта аргументация показалась предводителям вполне убедительной, и они постановили не делать никаких представлений по поводу нового устава, а лишь просить министра финансов, чтобы Крестьянский банк выступал в новом качестве, «отнюдь не воздействуя на сокращение дворянского землевладения», ⁴⁷ т. е. чтобы и землю дворяне могли продать и чтобы площадь дворянского фонда при этом не сокращалась. Как можно было достигнуть этих взаимоисключающих целей, так и осталось тайной предводителей. Как видно, совещание не во всех пунктах дошло до крайнего предела, а в заключение даже заявило, в яв-

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, л. 37.

⁴⁶ Там же, л. 37 об.

⁴⁷ Там же.

ное противоречие с выставленной программой, что не ищет для дворянства никаких специальных льгот и не выделяет его из общей массы сельского населения, но это были не более, чем слова, прозрачная маскировка намерения широко использовать средства казны для удовлетворения дворянских нужд и в конечном счете добиться перемены общей финансовой политики. В этом, несмотря на именованные между ними расхождения, главным образом в том, что касалось меры или тактики, предводители были единодушны. И, по-видимому, именно предводители типа М. А. Стаховича приняли самое деятельное участие в составлении записки и содержащейся в ней программы. Есть несомненное сходство между этим документом и пожеланиями, которые выразил от лица орловского дворянства М. А. Стахович в записке, поданной в Особое совещание о нуждах дворянства, о котором речь пойдет позже.⁴⁸ Стахович выражал здесь общую линию либеральствующего земского дворянства, которое и стало как бы лидером в общедворянской оппозиции проводимому Витте курсу. Ее возглавили земцы нечерноземных губерний.⁴⁹

Содержание записки было настолько недвусмысленным, что Витте не мог не осознать ее истинное значение, увидеть, что на этот раз дело не ограничивается исходатайствованием новых подачек, перед выдачей которых он и сам бы не остановился, хорошо понимая всю их неизбежность. От него требовалось, и весьма решительно, гораздо большее — смена курса. Дворянство грозило ему вотумом недоверия. Серьезность создавшегося положения была зафиксирована повелением царя, чтобы Витте рассмотрел записку предводителей и представил на нее ответ. Ответ Витте несомненно принадлежит к числу наиболее важных и значительных документов, когда-либо вышедших за его подписью. Это была написанная рукою мастера картина финансово-экономической политики правительства в дворянском вопросе с 1861 г., ее точный и выразительный итог. Контрзаписка Витте не оставила камня на камне от всех доводов и аргументов критиков. Достичь подобного эффекта он смог уже потому, что с точки зрения фактической записку предводителей нельзя было принять даже за карикатурное отображение действительности, пусть с большими искажениями и преувеличениями, но передающую нечто действительно существовавшее. Записку отличало как раз полное отсутствие даже самого слабого соприкосновения с действительным положением вещей. Идеальный материал для критики давала записка с точки зрения экономической. Витте с предельной ясностью доказал, что рассуждения предводителей представляют собой настоящую энциклопедию невежества, плод

⁴⁸ Отношение орловского предводителя дворянства М. А. Стаховича в Особое совещание о нуждах дворянства. ЦГИА, ф. 1283, оп. 2, д. 1, т. 3, л. 53 об.

⁴⁹ Общественное движение в России в начале XX в., т. 1, стр. 301.

незнания и непонимания самых простых, элементарных истин. Это была замкнутая цепь, где одна бессмыслица нанизывалась на другую и рождала новую.

С фактами и цифрами в руках Витте обнажил всю нелепость и бесосновательность сетований предводителей насчет якобы противоположного интересам дворянства курса правительства после реформы 1861 г. Действительно, помещики отдали крестьянам землю в большинстве случаев по «несоразмерно высокой оценке». ⁵⁰ В дальнейшем же, продолжал Витте, переход крестьян на выкуп или оставление их временнообязанными в течение первых двадцати лет определялись исключительно интересами помещиков. ⁵¹ Что же касается вычета из выкупной суммы помещичьих долгов бывшей сохранной казне, общий итог которых составлял к 1861 г. 425 млн руб., — это был один из главных обвинительных пунктов заниски предводителей и вообще в течение долгих лет всей дворянской публицистики, — то Витте в ответ резонно отмечал, что у помещиков была полная возможность вовсе не приступать к выкупу, держа крестьян на временнообязанном положении. Когда же с 1883 г. выкуп наделов был сделан обязательным, с чем было соединено право переводить долг на остававшуюся у помещика землю, то этой возможностью в течение истекших тринадцати лет воспользовался только один (!) помещик, а остальные 1992 предпочли уплатить долг из полученных за крестьянский надел денег. ⁵²

Столь же беспочвенной оказалась и другая жалоба, повторяемая с той же настойчивой регулярностью многие годы, а именно, что правительство выдало выкуп процентными бумагами, а не деньгами, потом же курс процентных бумаг сильно понизился и помещики по причине этого понесли весьма крупные убытки. Витте здесь указывал, что правительство отнюдь не рассчитывало на немедленную реализацию помещиками этих бумаг, а, наоборот, предполагало, что дворянство будет держать их у себя в качестве источника постоянного дохода. «В действительности, — констатировал Витте, — помещики не удержали процентных бумаг». Нача-

⁵⁰ И. Ф. Гиндин, М. Я. Гефтер. Требования дворянства и финансово-экономическая политика царского правительства в 1880—1890-х годах. Замечания министра финансов С. Ю. Витте на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения. Исторический архив, 1957, № 4, стр. 132. — Во вводной статье к опубликованной записке Витте И. Ф. Гиндин и М. Я. Гефтер допустили неточность в датировке совещания, которое они считают «импровизированным» и относят ко времени коронации. На самом деле совещание предводителей открылось 10 февраля, как отмечается в составленной ими записке, с коронацией ни в какой связи не состояло, а было созвано специально для обсуждения дворянского вопроса и представления правительству соответствующих рекомендаций. «Импровизированным» поэтому совещание тоже нельзя считать.

⁵¹ Исторический архив, 1957, № 4, стр. 132.

⁵² Там же, стр. 128.

дась их массовая продажа с соответствующим понижением курса, но потери эти, говорилось в записке, в большой степени компенсировались несоразмерно большим выкупом, получаемым за слишком высоко оцененную землю.⁵³ Витте имел все основания сказать в заключение, что «помещикам коренных русских губерний представлены были все возможные средства остаться экономически сильным сословием».⁵⁴

Опровергнув все доводы записки предводителей, Витте пролил свет и на те последствия реформы, которые предводители заметить не пожелали. Кроме специальных мероприятий правительства, имевших целью оградить интересы дворянства, общее развитие страны принесло помещицкому классу, по справедливому замечанию Витте, «огромную пользу». Со времени реформы началось быстрое повышение цен на землю. К 1894 г. они возросли по различным группам от 100 до 327%.⁵⁵ Таким образом, несмотря на то что площадь дворянского землевладения сократилась с 79 до 55.5 млн десятин, ценность дворянской земли возросла вдвое — с 1.25 млрд руб. до 2.5 млрд руб.⁵⁶ И если дворянство продало четверть своей земли, то оно сделало это по ценам, значительно превысившим уровень 1861 г. Оно смогло далее получить под залог части оставшейся в его руках земли 650 млн руб. Но дворянство не сумело воспользоваться всеми этими привилегиями и преимуществами и в этом был корень дела.

Вместе с тем Витте ясно показал образование среди дворянства группы, успешно приспособившейся к новой обстановке. Действительно, рассуждения о всеобщем упадке дворянства теряли всякий смысл в свете того факта, что оно являлось крупнейшим покупателем выброшенной на рынок дворянской земли. Только за период 1892—1895 гг. дворянство приобрело ее на громадную сумму в 172 898 тыс. руб.

Отказываясь видеть в затруднительном положении известных слоев дворянства следствие причин общего характера, не зависящих от действий и личности помещиков, Витте сводил их трудности как раз к последнему.

Вывод Витте был ясен: дворянство может пенять лишь само на себя — других виновных в его затруднениях не существует. Оно просто не выдерживало конкуренции. Оно жило по-старому, а жизнь шла по-новому. Даже в тех областях, где дворянство имело, казалось бы, прочную опору и явные преимущества, оно сдавало свои позиции, будучи не в состоянии приспособиться к новым условиям. Его место занимали новые люди, безродный буржуазный элемент, ловкий и деятельный. Так было с винокуре-

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, стр. 129.

⁵⁵ Там же, стр. 131.

⁵⁶ Там же, стр. 132.

нием — дворянским заповедником при крепостном праве, приносившем помещикам солидные доходы.

Особенно выгодным было положение Витте, когда ему пришлось высказываться о «положительной программе», выдвинутой в записке предводителей, в которую входили такие меры, как понижение железнодорожных тарифов и постановка краткосрочного кредита в соответствии с желаниями и возможностями помещиков. В этой части предводители показали себя людьми вполне безграмотными.

Витте пришлось растолковывать оппонентам азбуку экономической науки. Он, в частности, разъяснил, что Государственный банк, «оставаясь на почве банковского ведения дела», никак не сможет предоставлять кредиты на пятнадцать месяцев, так как его собственные средства состоят из краткосрочных вкладов и помещению их в долгосрочные кредиты явилось бы «коренным нарушением основ банковского дела, подрывающим все гарантии банковской состоятельности».⁵⁷

Обращаясь затем к высказанным в записке претензиям относительно существующей практики выдачи кредитов под соло-векселя и под хлеб и привлекая для уяснения вопроса уже имевшийся у банка обширный опыт ведения дел с дворянством, Витте дал чрезвычайно интересный материал для понимания того, какого рода клиента представляло собой оно и на каких основаниях строило свои отношения с банком.

Если сформулировать это вкратце, то взаимоотношения обеих сторон — помещиков и банка — базировались на постоянном нарушении первыми правил последнего. Помещики прочно утвердились в амплуа неисправного плательщика. Банк стоял перед вечной альтернативой: или применения мер строгости, или предоставления новых льгот, новых отсрочек. Конечно, всегда шли по второму пути. В итоге в 1895 г. случился острый финансовый кризис, когда касса банка практически была пуста.⁵⁸

У Витте не было другого выхода, как отклонить выдвинутые в записке предложения, способные лишь усугубить испытываемые банком по вине помещиков затруднения.

Как в общем своем содержании, так и во всех своих частях дворянская программа была отвергнута начисто. Так произошло не по какой-то враждебности Витте к дворянству, в чем его стали обвинять помещики, действительно сделавшиеся его антагонистами. Предводители, взятый ими курс, все их нелепые, несообразные требования отняли у Витте возможность занять какую-либо иную позицию. Повсюду, в любой области ему пришлось констатировать нарушение дворянством установленных правил. Повсюду дворянство доказало свою неспособность удержаться в пределах

⁵⁷ Там же, стр. 148.

⁵⁸ Там же, стр. 151.

самого льготного для себя порядка, по все же порядку. В сущности, оно ставило правительство перед жесткой дилеммой — или пойти навстречу помещичьим требованиям, и тогда разрушить до основания всякий порядок, или поддержать его, хотя бы во имя самосохранения, и тогда отклонить помещичьи притязания. Они, как пришлось показать Витте, были несовместимы со сколько-нибудь нормальным функционированием экономического механизма.

Но если в открытом состязании аргументов и логики Витте одержал безраздельную победу, то это, конечно, никак не решало дело, ибо противной стороной, выступившей в столь беспомощном виде, была огромная политическая сила, какой продолжало оставаться дворянство. Победа Витте была пиррова победа. Записка предводителей даром не пропала. Она оказалась первым шагом на пути к созыву Особого совещания по делам и нуждам дворянства, организованного в 1897 г. для претворения в жизнь идей и притязаний, которые, казалось бы, были разбиты контрзапиской Витте.

Вскоре после Совещания предводителей, помещики получили от верховной власти новые авансы, и притом в особенно торжественной обстановке. 17 мая 1896 г. в дни коронации царь обратился к дворянству со словами, что ему известно «трудное время, переживаемое дворянством» и что оно может быть спокойно — его нужды не будут забыты. Ободренные этим проявлением внимания, помещики с новой силой стали осаждать правительство требованиями о помощи.

В конце 1896 г. и начале 1897 г. по губерниям одно за другим созываются дворянские собрания, на которых принимаются соответствующие резолюции. Наибольшей ретроградностью отличались собрания в Тульской, Саратовской, Рязанской губерниях. Их предводители Арсеньев, Кривский, Муромцев сделались чем-то вроде вождей дворянской партии.

Все экономическое развитие после 1861 г. со всех сторон громко провозглашалось ошибочным, губительным для дворянства, и открыто выброшенным лозунгом стало возвращение к порядкам, существовавшим при крепостничестве.⁵⁹

Однако далеко не все дворянство сплотилось вокруг этих лозунгов реставрации давно отжившего и теперь остававшегося, пусть в качестве глубоких, крепко вросших в жизнь, но все-таки пережитков совсем другой эпохи, стоявших во все более обостряющемся противоречии со всем ходом экономического и социального развития страны. Такой глубокий прорыв назад, к прошлому, потрясая до основания весь строй экономической жизни, больно ударил бы по интересам тех слоев дворянства, которые так или

⁵⁹ Записка П. А. Кривского о причинах, разоривших дворянство, и о мерах к поддержанию дворянского землевладения. ЦГАОР, ф. 576, оп. 1, д. 138, лл. 23—34.

иначе, с большим или меньшим трудом все же приспособились и приспособаблялись к необратимой буржуазной эволюции России.

И в среде дворянства обнаружилась открытая оппозиция так бурно себя проявившему движению вспять, для которой сколь угодно широкое восстановление прежнего строя экономических и общественных отношений было совершенно неприемлемо.

Тема «царства, разделившегося на самое себя» в ближайшие годы стала одной из ведущих на страницах «Гражданина» — журнала, видевшего в этом главное препятствие к решению дворянского вопроса в духе пожеланий его наиболее ретроградной части. Его призывы преодолеть рознь остаются напрасными, и как раз в эти годы начинается организационное оформление дворянской оппозиции с либеральной окраской.

В Москве создается кружок известных дворянских деятелей, связанных с земским движением, под названием «Беседа». Туда вошли лица с громкими титулами и фамилиями. Активизируется и земское движение нишевского толка.

Разногласия в самом дворянстве дали Витте впоследствии возможность сманеврировать. Пока же натиск на его ведомство, все нарастая, шел по всей линии, и как непосредственный отклик на слова царя в самом Министерстве финансов начинается рассмотрение новых льгот и поблажек помещикам. По заведенному в течение уже долгих лет обычаю, ставшему уже чем-то вроде ритуала, занялись должниками Дворянского банка, имея в виду новое понижение следуемых с них платежей.

14 марта 1897 г. Витте смог представить на рассмотрение царя разработанные в Министерстве финансов предложения. Размер уплачиваемого должниками Дворянского банка процента предполагалось снизить с 4 до $3\frac{1}{2}\%$.⁶⁰ Тем самым он устанавливался ниже рыночного.

Но в представлении Витте наряду с обычным мотивом прозвучала и новая нота, гармонизировавшая основным мыслям его контрзаписки.

Он был озабочен тем, чтобы не дать окончательно рухнуть уставу Дворянского банка, приобретшему во многом фиктивный характер и расплывшемуся под тяжестью предоставляемых помещикам все новых льгот и облегчений. Пока что действительные отношения банка и должников складывались помимо него.

До сих пор равновесие между обязательствами банка и его доходами достигались главным образом искусством бухгалтерии, так что явные убытки, которые он нес, скрывались жонглированием цифрами, растратой запасного капитала и вообще безостаточным использованием всех его резервов.

⁶⁰ Докладная записка Витте Николаю II о мерах к облегчению положения заемщиков Государственного дворянского земельного банка и об изменении порядка их ответственности по ссудам, ЦГИЛ, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 111 об.

Поэтому предоставление новой льготы Витте предлагал совместить с рядом мер, которые должны были вселить в неисправных плательщиков большее чувство ответственности и вернуть уставу хотя бы отчасти значение чего-то реального.

Ознакомившись с проектом, царь повелел передать его на рассмотрение Комитета финансов с участием председателя Комитета министров, министра внутренних дел и министра земледелия, чтобы уже в апреле были выработаны окончательные предположения.

7 апреля Министерство финансов представило Финансовому комитету обширную записку за подписью министра и управляющего Дворянским банком А. Д. Оболенского, в которой соображения Витте подробно развивались и подкреплялись богатым фактическим и цифровым материалом. В ней рельефно обрисованы и тяжелое положение Дворянского банка, испытывавшего большие затруднения в возвращении выданных займы средств, и необходимость более целенаправленного воздействия на манкирующих своими обязанностями клиентов.

Итогом деятельности банка за 1887—1897 гг. явилось образование недоимок, «справиться с которыми при существующих условиях, — замечалось в представлении, — для многих заемщиков несомненно представляется весьма затруднительным, а в иных случаях вряд ли даже возможным».⁶¹ Из общего числа 14 256 именей, заложенных к 1897 г. на сумму в 440 млн руб., только по 2866 со ссудой в 85.2 млн руб. не значилось никаких недоимок.⁶² Общая сумма последних в 1897 г. составила 16.1 млн руб., т. е. 3.6% от капитального долга в 450 млн руб.⁶³ Быстрый рост недоимок сопровождался назначением в продажу все возрастающего числа именей. Сотни быстро перешли в тысячи. Весной 1893 г. в продажу было опубликовано 739 именей, осенью уже 1291. На те же сроки три года спустя в 1896 г. было соответственно опубликовано уже 1895 и 2268 именей, т. е. 14.2 и 15.6% от общего числа залогов, тогда как в 1893 г. тот же процент равнялся 5.9 и 10.8.⁶⁴

Конечно, в действительности продавались лишь считанные единицы. В мае 1896 г. пошло с молотка шесть, а в октябре — 9, да за банком еще осталось 17 именей.⁶⁵ Публикация стала сред-

⁶¹ Представление Министерства финансов в Финансовый комитет от 7 апреля «О мерах к облегчению положения заемщиков Государственного дворянского банка и об изменении порядка их ответственности по займам». ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 155 об.

⁶² ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 267 об.

⁶³ Справка Дворянского банка. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 135. — Разница в цифре долга объясняется тем, что она менялась от месяца к месяцу. Между тем в документах не всегда указана точная дата, когда производился подсчет.

⁶⁴ Справка Дворянского банка. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 136.

⁶⁵ Указанное представление Комитету финансов. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 159.

ством острастки, которой перестали бояться. О сложившейся практике откровенно говорилось в записке: «...возникающая таким образом альтернатива, заставляющая или примириться с существующим фактом (неплатежа, — Ю. С.), или списывать недоимки продажей имений, побуждает, конечно, отдать предпочтение первому способу».⁶⁶

Недоимочная группа непрерывно увеличивалась несмотря на непрерывно получаемые льготы. Определилась не знавшая исключений закономерность, которая так формулировалась в записке: «... временно достигавшееся благодаря ранее неоднократно дарованным льготам равновесие в ... расчетах затем весьма скоро вновь испытывало отклонение в неблагоприятную сторону».⁶⁷

В сущности недалеко было уже до полной эмансипации должников от банка. Эффективных средств воздействия на клиентуру у него фактически не имелось. Он попал в тупик, из которого не видно было выхода. Оставалось только одно — массовая продажа имений несостоятельных должников. Но не говоря уже о том, что самодержавие никогда не пошло бы на это по политическим соображениям, это было неосуществимо еще и по той причине, что не нашлось бы покупателей на эти тысячи имений, сразу поступивших на рынок и стоивших многие десятки миллионов рублей.

Вся логика развития отношений банка и его клиентуры вела к тому, чтобы подкрепить шаткую финансовую основу деятельности банка общегосударственными средствами. Не произведя решительной ломки установившегося порядка, Витте все же сделал попытку паллиативными мерами предотвратить или хотя бы отдалить легко предвидимый финал. Для этого он считал настоятельно необходимым несколько приблизить к действительной жизни созданные в банке оранжерейные условия.

11 апреля Витте представил свою записку в Комитет финансов. Для ее обсуждения было решено вызвать с особого разрешения царя также всех губернских предводителей дворянства, которые должны были прибыть в Петербург не позднее 25 апреля. Этот момент и был выбран все более усиливающейся дворянской оппозицией для контрудара. В высших правительственно-бюрократических сферах во главе ее стояли бывший министр внутренних дел И. Н. Дурново, теперь состоявший председателем Комитета министров, и В. К. Плеве, в то время статс-секретарь.⁶⁸

С начала 1897 г. Плеве и подстрекаемый им И. Н. Дурново, а также бывший министр путей Сообщения А. К. Кривошеин тайно вели большую интригу, успешно завершившуюся в апреле

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, л. 160 об.

⁶⁸ Ю. С. Витте. Воспоминания, т. II. М., 1960, стр. 35, 206.

появлением рескрипта на имя И. Н. Дурново. Под его председательством учреждалось Особое совещание по делам дворянства, дабы вернуть сословию его прежнее значение.

Среди всех остальных государственных вопросов дворянский ставился на первое место. Апрельский рескрипт прозвучал как сигнал к генеральному наступлению. Подписанный 13 апреля, он не мог, конечно, не отозваться на предстоящем обсуждении предложений Витте.

Добившись столь значительного успеха, закулисные силы попытались развить его и не медля приступили к действиям.

Представление Министерства финансов было избрано как первый объект нападения. Слушание дела намечалось на период после 25 апреля, а 27 апреля Дурново направил Витте записку, целиком отвергавшую проект Министерства финансов. Лишь одно его положение — относительно понижения уплачиваемого процента с 4 до 3½ показало председателю Комитета министров заслуживающим «полного внимания» — все остальное «не подлежало утверждению». ⁶⁹ Но и по единственному принятому пункту высказывались коренные возражения.

Основное противоречие выявилось, когда Дурново, протестуя против использования средств от намечаемого понижения процента для покрытия недоимок, заявил, что факт накопления их, несмотря на все предоставленные льготы, говорит о фактической невозможности внести следуемые платежи «при испытываемых современным земледелием затруднениях». ⁷⁰ («Главным образом допущено слабостью взысканий», — комментировал Витте, поставив против этого места большой вопросительный знак). ⁷¹ Поэтому он настаивал на их немедленном понижении, не заботясь пока об уплате задолженности. А что иначе новая льгота, по его мнению, останется фикцией, Дурново подтверждал еще и тем соображением, не лишенным простодушной наивности, что «недоимки именно только числились за заемщиками, а не уплачивались ими, продолжая из года в год возрастать». ⁷²

Тем более неприемлемыми представлялись Дурново меры, которые намечалось провести по проекту в целях усиления ответственности должников.

Отвергнув проект Министерства финансов, Дурново противопоставил ему собственный, служивший как бы завершением предыдущей эволюции отношений Дворянского банка и его клиентуры. Она необходимо вела к использованию средств казны для уплаты полагавшихся с помещиков платежей, и теперь Дурново

⁶⁹ Соображения статс-секретаря Дурново по проекту о мерах к облегчению положения заемщиков Государственного дворянского земельного банка. 27 апреля 1897 г. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 225 об.

⁷⁰ ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 226 об.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, л. 227.

считал возможным сделать, наконец, этот последний шаг. Он «не может не согласиться», — говорилось в представлении, — с мнением губернских предводителей, относящимся ко времени их февральского совещания 1896 г., что «коренное облегчение заемщиков из средств одного Дворянского банка совершенно недостижимо», и потому «по необходимости остается обратиться к содействию Государственного казначейства».⁷³ Заветное слово было сказано.

В осуществление предлагалось, во-первых, передать Дворянскому банку ежегодный пятипроцентный сбор с дохода от его залладных листов, т.е. около 900 тыс. руб.⁷⁴ Затем Дурново, по аналогии с наделением в 1894 г. собственным капиталом Крестьянского банка, на что ушла часть уплачиваемых крестьянством налогов, проектировал снабдить за счет казны собственным капиталом также и Дворянский банк.⁷⁵ Не устанавливая окончательной величины этого капитала, хотя и добавляя многозначительно, что Крестьянскому банку были даны 50 млн руб. при обороте в 1894 г. менее 70 млн руб., т. е. около одной седьмой части от оборота Дворянского банка, Дурново называл пока что 12 млн руб., т. е. сумму, соответствовавшую накопившимся недопкам, заверяя, что в дальнейшем она будет возвращена.

Имеющийся у Витте богатый опыт в сношениях с теми, от имени кого действовал Дурново, дал ему достаточное основание резко определить обстановку и действительные цели председателя Комитета министров, отбросив шелуху словесности. «В сущности эти 12 млн руб. Банку как основной капитал не нужен. Хитрость (считая красными нитками) предположения сей записки заключается в том, что запасной капитал предполагается съесть — а, т. к. запасной капитал нужен — то пусть даст казна 12 м[лн]. Предположение о возврате сих 12 м[лн] р[уб]. — пустые слова».⁷⁶ Витте был абсолютно уверен, что для казны эти деньги погибнут навсегда.⁷⁷ Но гораздо больше, чем этой потерей, в сущности не такой уж значительной, он был обеспокоен общим направлением и духом записки и ее без труда предвидимыми последствиями, если бы она стала руководящим началом. Впереди могло быть только одно — расстройство финансов, экономический хаос, потому что, как показывал весь столетний опыт, дворянство с легкостью и без всякого видимого следа проглатывало одну сотню миллионов рублей за другой, которые в конце концов складывались в миллиарды. Крайне опасно было снять тормоза с этого аппетита, дать ему свободно развиваться. Именно эти опасения и отразило резюме Витте, сформулировавшего

⁷³ Там же, л. 231 об.

⁷⁴ Там же, л. 232.

⁷⁵ Там же, л. 233.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же, лл. 234, 234 об.

в нем свои главные впечатления от чтения записки. «Основные мысли: 1) взять деньги из казны; 2) часть их в виде суммы возвратной; 3) а за сам *après nous le deluge*. Наш проект — льгота в пределах банка. Этот проект — Банк с карманом казны. Последний принцип — опасный — путь скользкий. Принцип этот не дворянский. — Никогда не поверю, что дворяне ему могут сочувствовать. Александр III прямо его (?) (принцип) отрицал. Указ о выигранном займе».⁷⁸ В последних фразах Витте и сам ударился в декламацию, но общая оценка записки была дана им вполне реалистическая. Он хорошо понимал, что речь идет не о вымогательстве очередной подачи, а о попытке создать правовую основу для предъявления казне многомиллионных претензий. В этом смысле она была как бы новым изданием записки предводителей 1896 г. Вновь возникло весьма трудное положение, которое тем более осложнилось, что почти сразу же после Дурново, если не одновременно, последовало выступление предводителей дворянства. Собравшись в числе восемнадцати для обсуждения проекта Министерства финансов, они представили в конце апреля в Комитет финансов свои соображения. Хотя, очевидно, Дурново и предводители действовали независимо друг от друга, судя по некоторым различиям в их рассуждениях, в главном они сходились. Общность создавала основная мысль новой предводительской записки, что предложенное понижение в полпроцента «не окажет достаточно существенного влияния на положение задолженных землевладельцев» и что «всякое дальнейшее понижение процента нашло бы себе полное оправдание и соответствие в современной земельной ренте».⁷⁹

Все намеченные меры по укреплению дисциплины среди заемщиков банка, на что предводители как было заявлено в заключении, обратили гораздо большее внимание, чем на планируемое понижение платежей, были отвергнуты целиком и полностью.⁸⁰ Ободренные рескриптом 13 апреля, они снова требовали изменения всей финансово-экономической политики, указывая, что «всецело подтверждают и ныне заключения свои, изложенные ими в минувшем году, но по сие время не получившие удовлетворения».⁸¹ На фоне высказанных в 1896 г. притязаний возможные облегчения по проекту Министерства финансов казались им мелочью.

Давление с двух сторон, но в одном направлении заставило Витте пойти на попятную.

⁷⁸ Там же, л. 225.

⁷⁹ Заключение губернских предводителей по проекту министра финансов от 7 апреля 1897 г. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 255.

⁸⁰ ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 258.

⁸¹ Там же, л. 259. — По-видимому, предводителям осталась неизвестной контрзаписка Витте, о которой там нет ни одного упоминания, хотя они, конечно, не могли оставить ее без ответа.

К заседанию Комитета финансов он представил новые предложения, весьма серьезно отличавшиеся от первоначального проекта.

Получило удовлетворение требование Дурново относительно передачи Дворянскому банку 5% сбора с доходов от закладных листов. Весь раздел о новых правилах ответственности заемщиков выбрасывался целиком. Витте бил отбой по всей линии.⁸²

Попытка поставить банк на деловую основу, вывести устав из состояния прогрессирующего паралича явным образом провалилась. Новые льготы теперь ничем не уравнивались. Свести в балансе концы с концами не представлялось возможным. Вплоть до 1913 г. платежи должны были в соответствии с новыми предложениями Министерства финансов превышать поступления.⁸³

Сползание по наклонной плоскости продолжалось, но Витте не удержался от того, чтобы не попробовать хотя бы приостановить это движение вниз. Идя на все уступки своим оппонентам, отказываясь урезать в чем-либо существующий для несправных должников либеральный режим, он поместил в новый вариант пункт, ставивший как бы точку в длинном списке полученных клиентами банка льгот. «Принять к неперемennomу руководству, — гласило соответствующее место, — что по издании сего узаконения никакие дальнейшие изменения в постановлениях, относящихся к платежам («и каким-либо льготам», — было предусмотрено приписано чьей-то рукой), по ссудам заемщиков Государственного дворянского земельного банка и Особого его отдела, не должны быть допущены впредь до полного завершения конверсий 4½% и 4% закладных листов названного банка».⁸⁴

Видоизмененное представление Министерства финансов должно было слушаться в Финансовом комитете 5 мая 1897 г. За исход дела Витте мог быть спокоен. Финансовый комитет был органом, достаточно послушным министру финансов. Однако его ожидал еще один сюрприз. Когда, казалось бы, все было уже установлено и высказано, пятеро членов предводительского совещания представили Комитету в день заседания 5 мая сепаратные записки, в которых крайне резким тоном осуждалась деятельность Витте и выставлялись требования, равнозначные отчасти принятию дворянства на государственное содержание.

Уверенно ожидая «всестороннего пересмотра всех правительственных мероприятий по поощрению фабричной и заводской промышленности, предпринятых, как оказалось, в явный ущерб земледелию и сельской промышленности», в чем он видел главную цель Особого совещания по делам дворянства, курский гу-

⁸² Видоизмененное заключение Министра финансов к представлению, внесенному в Комитет финансов 7 апреля 1897 г. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 259.

⁸³ ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 303 об.

⁸⁴ Там же, лл. 302—302 об.

бернский предводитель А. Дурново основной задачей теперь считал дать помещикам возможность «спокойно ждать наступления новой эры».⁸⁵ Предложенный А. Дурново способ достичь этого состоял в освобождении клиентов Дворянского банка до окончания Совецания от каких-либо финансовых забот, поскольку дело касалось Дворянского банка. Вся недомка причислялась к капитальному долгу, а та ее часть, которая превышала 12%, попросту списывалась. Банк терял таким образом 2 млн 666 тыс. руб. Далее планировалось в течение трех лет вообще избавить помещиков от взноса платежей в кассу банка, удлинив на тот же срок погашение займа. Содержание записки А. Дурново встретило полное одобрение саратовского предводителя П. Кривского, который и засвидетельствовал это в постскрипуме к ней. На тех же точно началах было составлено представление в Комитет финансов тульского предводителя А. Арсеньева. Многократно высказанная дворянскими апологетами беззаботность относительно того, откуда и как будут добыты требуемые десятки миллионов, получила у него законченное выражение. Арсеньев вообще отказывался считаться с какими-либо резонами. «Не признаю возможным и уместным, — заявлял он, — обсуждать или указывать источники средств для покрытия насущных и неотложных нужд изнемогающего нашего землевладения, ибо я знаю один только источник: волю и милость самодержавного нашего государя».⁸⁶ В практической части записка повторяла предложение А. Дурново отсрочить на три года платежи заемщиков Дворянского банка, а кроме того, содержала пожелание, чтобы правительство образовало в губерниях особые капиталы для поддержания и развития дворянского землевладения. Аналогичные бумаги поступили в Комитет от рязанского и харьковского предводителей.

Неожиданное выступление пяти членов предводительского совещания меняло всю ситуацию. Уже под занавес предъявлялись требования, далеко превосходившие все то, что было заявлено до сих пор. Находясь, по-видимому, под впечатлением предстоящего созыва Совецания по делам дворянства, пятеро предводителей сочли обстановку подходящей для прорыва на главном направлении. Действуя с открытым забралом, они собирались взять штурмом Государственное казначейство.

Однако силу их натиска существенно ослаблял недостаток

⁸⁵ Соображения курского губернского предводителя дворянства по поводу доклада министра финансов Финансовому комитету о мерах к облегчению заемщиков Государственного дворянского земельного банка. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 292.

⁸⁶ Записка в Финансовый комитет предводителя дворянства Тульской губернии А. Арсеньева. Соображения по поводу представленного министром финансов проекта о мерах к облегчению положения заемщиков Государственного дворянского земельного банка. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 295.

организованности. По-видимому, они не успели сговориться между собой, и потому вместо одного обращения в Комитет финансов последовало несколько. Кроме того, они вступали в противоречие с запиской, поданной ранее от имени всех собравшихся предводителей. Одновременное появление нескольких документов с изложением дворянских требований явным образом указывало на отсутствие единства в среде тех, кто их выработывал. Так в действительности и было, и на заседаниях Комитета финансов полемика развернулась главным образом не между Витте и авторами сепаратно поданных записок, а между их предводителем Л. М. Муромцевым и предводителями, стоявшими на почве совместного заключения. В этих прениях Витте остался в стороне. На заседании 5 мая он, в духе нового представления в Комитет финансов, без возражений принял положения записки восемнадцати и, идя даже дальше, упомянул о возможности использования государственных средств для устройства губернских дворянских касс, которые дали бы возможность принимать в сословную опеку имущества несостоятельных должников.⁸⁷

Поданные в последний момент записки рассматривались в Комитете 9 мая. В заседании, кроме членов Комитета и других приглашенных лиц, участвовали предводитель дворянства Петербургской губернии А. Зиновьев, Московской — князь П. Трубецкой, Рязанской — Л. Муромцев и Херсонской — Н. Сухомлинов. Председательствовал на заседании Д. М. Сольский.

От имени своих единомышленников, или, по его определению, группы старых предводителей дворянства, выдвинутую ими программу взялся отстаивать Л. М. Муромцев. Его выступление внесло в нее, однако, целый ряд новых элементов. Он по сути дела перевел обсуждение в несколько иную плоскость, заявив (в духе основной концепции Комиссии Н. С. Абазы), что прежде всего и главным образом следует озаботиться укреплением среднепоместного дворянства, так как именно оно представляло собой «опору трона», стража «охранительных начал».⁸⁸ Этой категории понижение платежей на половину процента будет, доказывал он, неощутительно, дав экономию около 60 руб. в год, и он вновь настаивал на полной отсрочке следуемых банку платежей.

Заметная разница между заявлением Муромцева и положениями обсуждаемых записок была тут же отмечена Витте. Он делал вывод, что отсрочка платежей должна коснуться только мелкопоместного дворянства и теперь интересовался, остаются ли в силе наряду с этим прежние требования, носившие гораздо более широкий и общий характер. Убедившись из ответа Муромцева в правильности первого, Витте высказал сомнение в основательности такого ограничения, так как положение крупного

⁸⁷ Протоколы заседаний Комитета финансов 5 и 9 мая 1897 г. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 336.

⁸⁸ Там же, л. 337.

землевладения представлялось ему более затруднительным.⁸⁹ Делалось это не для того, конечно, чтобы вновь распространить требующую отсрочки на все дворянство, но чтобы вывить нелюбимость оказания помощи наименее в ней нуждающимся. Продолжая по-прежнему настаивать на своем предложении, Муромцев ничего не сумел сказать в опровержение сделанных возражений и повторно привел в обоснование лишь «общегосударственное» значение мелкопоместного дворянства.⁹⁰ Но и независимо от того, что говорили Витте и другие члены Комитета, шанс благополучно провести дело был сведен для Муромцева и его поручителей практически к нулю, когда московский предводитель князь П. Н. Трубецкой зачитал коллективное заявление, подписанное, кроме него, также петербургским предводителем А. Д. Зиновьевым и орловским — М. А. Стаховичем, в котором те безусловно отмежевались от обсуждаемых записок и порицали выставленную в них программу.

Отсрочку платежей оправдывало бы, полагали они, лишь повальное разорение всего дворянства. Недопустимым рассматривался открытый переход дворянства на государственное содержание.⁹¹ Не утратив способности заглядывать хотя бы в ближайшее будущее, эти трое предводителей отдавали себе отчет в том, насколько однозно будет выглядеть этот ничем не маскируемый паразитизм большинства сословия, кормимого у всех на глазах за государственный счет, и насколько сильно это ослабит политические позиции дворянства. Просимая мера была бы лучшим свидетельством его банкротства как целого.

Изоляция Муромцева стала полной с присоединением к сделанному заявлению херсонского предводителя Н. Ф. Сухомлинова. «Или филантропия, или кредит», — ставил он альтернативу. «Нельзя смешивать эти два несовместимые предмета, — продолжал он, — чего для филантропии слишком мало, того уже слишком много для кредита».⁹²

Понимая, видимо, бесперспективность борьбы с авторами этой теперь уже самой последней записки, поданной от имени дворянства, Муромцев сложил оружие, заметив, что в ответе «пришлось бы коснуться струн», которые он не хотел «затрагивать».⁹³

Эта эффектная сцена столкновения двух дворянских фракций не должна внушить ложного представления о силе разделявших оба крыла разногласий. Группа, противопоставившая себя «старым» предводителям, вполне приготовившимся существовать по принципу «после нас хоть потоп», что так полно запечатлелось в записке Муромцева, опасалась — и вполне справедливо — идти

⁸⁹ Там же, л. 340 об.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же, лл. 338 об.—339 об.

⁹² Там же, л. 340.

⁹³ Там же, л. 339 об.

напролом, с поднятым забралом. Не принимая того, что безнадежно скомпрометировало бы дворянство и не оставило бы на счет его истинной роли уже никаких иллюзий, она решительно защищала те меры, которые были намечены в общей записке руководителей дворянства, способные нанести по всей финансово-экономической политике гораздо более сильный удар, чем даже самые крупные податки, каких добивались Муромцев и его партнеры.

29 мая 1897 г. состоялось подписание указа о понижении платежей заемщиков Дворянского банка.

В обычное время его опубликование, очевидно, встретило бы благоприятный отклик, но теперь претензии зашли так далеко, что объявленное понижение платежей на полпроцента уже ни в какой степени не удовлетворяло аппетита тех, кем, собственно, и было организовано Совещание по делам дворянства.

По поводу указа высказывалось нескрываемое разочарование. В нем видели помеху работе Совещания.⁹⁴

И самый факт его созыва, а тем более скрытая в то время от всех предыстория появления рескрипта 13 апреля означали усиление группы, представлявшей наиболее реакционные тенденции правящей верхушки, намеревавшейся теперь решительно склонить весы в свою пользу в борьбе с теми силами, которые хотели, пусть непоследовательно и колеблясь, вести Россию дальше по пути буржуазного развития.

Назревало неизбежное столкновение с главной фигурой этого лагеря — Витте, и не было, конечно, случайностью, что от него эта группа держала свои действия в самой строгой тайне, и рескрипт 13 апреля был для него полной неожиданностью.

Министр финансов знал о его подготовке не больше, чем любой обыватель.

Да и вообще вся операция подготовлялась и проводилась на сугубо конспиративных началах. Посвящены в нее были единицы. Ее подлинными инициаторами выступили В. К. Плеве и И. Н. Дурново. Кроме того, определенную роль сыграл и А. К. Кривошеин, скандально удаленный в конце 1894 г. с поста министра путей сообщения за злоупотребления с корыстной целью⁹⁵ и теперь, видимо, надеявшийся поправить свою карьеру защитой дворянских домогательств. Важные события происходят в феврале 1897 г.

К этому времени относится один из наиболее значительных программных документов, вышедших из под пера апологетов дворянства — записка о роли дворянства, поданная Николаю А. К. Кривошеинным.

⁹⁴ Передышка. Гражданин, № 34, 4 мая 1897 г., стр. 3; Дневники, 3 июня. Гражданин, № 43, 5 июня 1897 г., стр. 21.

⁹⁵ См. об этом «Воспоминания» С. Ю. Витте, т. II, М., 1960, стр. 20—21. Говоря о нечистоплотных финансовых махинациях Кривошеина, Витте вместе с тем считал его «умным, деловым человеком» (там же, стр. 19).

Автору нельзя отказать в понимании некоторых основных тенденций и закономерностей современного исторического процесса и умении дать достаточно логический анализ существующего положения, имея все-таки при этом целью воспротивиться неизбежному. Кривошеин со всей отчетливостью сознавал связь судьбы самодержавия с той или иной эволюцией дворянства, обреченность которого в качестве сословия докапиталистической формации он не желал признавать, потому что только на этой неизменной основе он мыслил возможность дальнейшего существования самодержавия. В одиночестве царизм не мог устоять в борьбе с силами, шедшими по стопам «демократического Запада».

Он нуждался в опоре, которой, доказывая Кривошеину, не могло быть крестьянство. Оно «не играло активной политической роли в борьбе против внутренних врагов» и, более того, без «благородного руководства» само «готово поддаваться всякого рода вредным влияниям».⁹⁶ И, возвращаясь к простой формуле Павла I о ста тысячах полицейских, какими тот считал дворян, Кривошеин вменял в прямую обязанность дворянству взять под надзор и опеку не внушавшее доверия крестьянство.

Но между тем как «враги сословного и монархического строя России» множатся и все более крепнут, дворянство приходит во все больший упадок. «Может ли при таком порядке вещей, — задавал вопрос Кривошеину, — наше государство устоять против победоносного шествия демократизма и социализма?». Ответ давался тут же и самый категорический. «История всех веков и народов, где только являлось подобное положение, — внушал он царю, — говорит: нет, не может.

Не может, если дворянство слабо или дворянства вовсе нет, ибо тогда действительно новый мир разрушит старые начала и возгласит на их развалинах свои революционные и химерические доктрины».⁹⁷

А так как дворянство слабеет не только материально, но и отчасти даже переходит, указывал Кривошеин, в оппозицию к самодержавию, то, повторял он свою основную мысль для лучшего усвоения ее царем, «здесь-то и заключается опасность и серьезность положения, ибо падение дворянства всегда знаменует собой грядущую демократизацию государства и служит грозным предшественником падения монархии».⁹⁸ Однако неоправданного

⁹⁶ Записка А. К. Кривошеина Николаю II. ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 495, л. 50 об. — В самой записке не проставлены ни дата ее составления или подачи, ни имени автора. Установить авторство Кривошеина позволяют документы, содержащиеся в д. 494 того же фонда Царскосельского дворца. Здесь мы находим уже с подписью и датой несколько измененную редакцию цитируемой в тексте записки с указанием в сопроводительном письме к царю, что она была в феврале доведена до его сведения в несколько ином виде (там же, д. 494, л. 3).

⁹⁷ ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 495, л. 50 об.

⁹⁸ Там же, л. 51.

еще не произошло. «Есть еще время с помощью окрепшего и оздоровленного дворянства остановить победное шествие демократизма, стремящегося упразднить исторические устои...».⁹⁹ И здесь опять, спустя десять лет после А. Мещерского, он повторял слова о «последнем льготном часе». «Если упустить настоящее время для этого укрепления и оздоровления дворянства, оно уже никогда более не вернется; если допустить теперь дальнейшее падение дворянства, оно никогда уже более не воспрянет, и Россия пойдет по той же наклонной плоскости демократического социализма, по которой, к сожалению, бесповоротно идет Западная Европа».¹⁰⁰

Рисуя подобную перспективу, Кривошеин проявил несомненное умение усваивать исторический опыт и не был далек от истины. Отнюдь не все в правящих сферах понимали с такой же ясностью определенное в записке направление совершающейся эволюции и ее основу, невозможность для царизма существовать, опираясь только на силу государственного аппарата.

Перейдя после этих общих соображений к практике, Кривошеин призывал царя употребить радикальные средства спасения дворянства и для этого, по примеру Александра II, когда было решено приступить к эмансипации крестьянства, создать «Высший организационный комитет», куда вошли бы соответствующие министры и предводители дворянства, «наиболее преданные основным началам самодержавия и знакомые с сущностью дворянского вопроса».¹⁰¹

А пока от своего собственного лица Кривошеин предложил ряд мер, которые должны были повести к намеченной цели и которые лучше всего свидетельствовали, что укрепить дворянство не представлялось возможным, так как они были неисполнимы. Это был уже хорошо знакомый набор дворянских требований. Кривошеин не смог придумать ничего нового, ранее не опровергнутого и не отброшенного в правительственных инстанциях. Уже было признано невозможным установить неотчуждаемость дворянских земель и сделать недробимыми дворянские имения, достигшие определенного размера, как предлагал Кривошеин. На заседаниях Комиссии Н. С. Абазы обсуждение этих мер показало, что принятие их серьезно ущемило бы интересы самого дворянства. С большими трудностями должно было столкнуться и проведение такого мероприятия, как понижение платежей заемщиков Дворянского банка в соответствии с «действительной» доходностью имений, также не раз фигурировавшего в дворянских челобитных. Единственно, в чем Кривошеин мог претендовать на известную оригинальность, так это в предложении, кроме штатных земских начальников, учредить еще и внештатных и дать

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же, л. 51 об.

право всем им вместе надзирать за деятельностью правительственных и общественных уездных органов. Тем же полномочиями наделялись и уездные предводители дворянства.¹⁰²

Хорошо, конечно, знакомый с судьбой таких предложений в прошлом, Кривошеин подумывал о том, чтобы эти важнейшие акции провести келейно, не делая их предметом дискуссии, исход которой явно был весьма сомнительным.

Трезво учитывая обстановку, он писал царю в сопроводительном письме, что «меры эти несомненно встретят оценку, не лишнюю страстности и пристрастия, в случае обсуждения их коллегиальным порядком»,¹⁰³ и могут осуществиться «только личною волею вашего величества, подобно тому, — пояснял Кривошеин, — как был учрежден институт земских начальников».¹⁰⁴

Николаю предстояло совершить, конечно, нечто гораздо большее, поскольку предлагаемые действия должны были существенно изменить основы экономического строя России и затрагивали огромные материальные интересы. Провести операцию такого масштаба, как акт личной воли в обход, а может быть и вопреки высшему аппарату управления, к чему толкал царя Кривошеин, было бы авантюрой, на которую нелегко было решиться постоянно колебавшемуся Николаю. А между тем это была лишь программа минимум, программу максимум, связанную, в частности, с установлением «правильных» отношений дворянства и крестьянства, должен был осуществлять, очевидно, Высший организационный комитет.

В своих главных чертах и идеях план Кривошеина был осуществлен Николаем, совещавшимся перед принятием окончательного решения, по-видимому, и с другими выразителями дворянских интересов. В конце февраля аудиенцию получил П. Кривский. Разговор велся о его записке, доложенной незадолго перед тем саратовскому дворянскому собранию.¹⁰⁵ Царь поручил ему встретиться затем с министром внутренних дел Горемыкиным.

Наконец, в начале апреля царь ознакомился с запиской о положении и роли дворянства, составленной И. Н. Дурново, к которой он отнесся с особым вниманием. Ее главный тезис формулировался в утверждении, что сохранение дворянского землевладения «представляется государственной потребностью первоочередной важности» в первую очередь с точки зрения задач местного управления, для которого дворяне подходят гораздо больше, чем чиновничество.¹⁰⁶ Еще более важным в глазах царя должно было выглядеть другое основание — мысль о том,

¹⁰² Записка А. К. Кривошеина Николаю II. Февраль 1897 г. ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 494, лл. 13—14.

¹⁰³ ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 494, лл. 3 об.—4.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ П. Кривский — И. Л. Горемыкину. ЦГИА, ф. 1626, оп. 1, д. 876, л. 1.

¹⁰⁶ Записка И. Н. Дурново о дворянстве, поданная царю 2 апреля 1897 г. ЦГИА, ф. 1283, оп. 1, д. 236, л. 2.

что с потерей земли дворянство деклассируется. Оно «согнется частью с чиновничьею, частью с торговою и промышленною средою» и таким образом исчезнет «крупная историческая сила, всегда служившая опорой самодержавию». Вместе с тем, снимая с них всякую ответственность за это, Дурново указывает на неизбежность «почти всеобщего в ближайшем будущем разорения и обезземеления поместных дворян». В объяснение причин он приводил как неблагоприятно сложившиеся условия хлебной торговли, так и неверную политику правительства, конспективно повторив в последнем случае аргументацию записки предводителей. Теперь правительство должно приступить к исправлению создавшегося положения, восстановить дворянство в его прежнем значении, создав для рассмотрения дворянского вопроса особое совещание. Дурново обрисовал и тот круг проблем, которыми оно должно будет заняться, указывая в качестве главной из них перевод дворянского землевладения на основу зановедности и единонаследия с предоставлением помещикам «дополнительных и существенных льгот по лежащим на них ипотечным долгам» за счет «пожертвованных из общих финансовых ресурсов государства».

Насколько близко содержание записки оказалось строю мысли самого царя видно из наложенной им резолюции, выразившей высшее одобрение всему изложенному. «Прочел с живейшим интересом и большим удовольствием»,¹⁰⁷ — написал Николай.

Накануне опубликования рескрипта слухи о нем распространились по Петербургу. Именно из этого источника узнал об этом акте Витте, находясь еще в полном неведении, что же он собой будет представлять. Встревоженный министр финансов обратился с письмом к другому видному правительственному деятелю — Победоносцеву. «В городе все поговаривают о каком-то указе, который должен появиться по дворянскому делу, — излагал он полученные с улицы сведения. — Очень этого боюсь».¹⁰⁸ Страх его понятен в связи с теми дворянскими претензиями, которые были высказаны совсем недавно в записке предводителей, в большей части совершенно невыполнимыми, пока существовал хоть какой-то порядок в финансовом хозяйстве. Едва отбив этот натиск, он почти наверняка снова становился под удар. «Опять обещания, надежды, которые не будут выполнены уже потому, что они неисчерпаемы, а следовательно, последуют разочарования», — объяснял он причину своих опасений. «Всё это очень тревожно», — писал Витте в заключение, предвидя для себя новые большие хлопоты.

¹⁰⁷ Там же, л. 1.

¹⁰⁸ Витте — Победоносцеву, 12-го [1897]. Красный архив, 5(30), 1928, стр. 98. — Письмо, очевидно, было написано именно в апреле, как раз накануне опубликования рескрипта — «какого-то указа по дворянскому делу», как писал ничего толком не знавший о нем Витте.

Рескрипт оправдал самые худшие его ожидания. А тут еще разнесся слух о новом указе относительно дворянства, подготавливаемом Дурново к 6 мая — дню рождения царя. Это окончательно вывело Витте из равновесия. «Ведь это будет просто беда! — близкий к панике, писал он Победоносцеву. — Уже теперь рескриптом взбаламучено море всяких вождедений, — что же будет потом? . . . Ведь наверху по дальности расстояния, а И. Н. Дурново и К^о по близорукости, не видят, какую подняли смуту».¹⁰⁹

Весть о новом указе оказалась ложной, да и вряд ли после образования Особого совещания по делам дворянства, задуманного с таким широким размахом, как это видно из записки А. Кривошеина, существовала надобность в каких-либо новых мерах. Главное рескриптом было сделано. Та борьба, которая велась в верхах при выборе определяющего направления внутренней политики в ее важнейшем, аграрном, аспекте на этом этапе кончилась в пользу дворянской реакции. Дворянский вопрос был поставлен на повестку дня как самая важная и неотложная государственная проблема, решение его, как этого и добились предводители дворянской клики, намечалось произвести на основе капитальной реставрации старых порядков, возвращения всей страны к давно пройденному.

Таким именно масштабом измеряли значение рескрипта и в таком смысле толковали его «Московские ведомости». Теперь, писалось в газете, «вопрос о том, быть ли России самобытным, сословным государством или же подчиниться роковой и печальной судьбе бессословной Западной Европы — окончательно решен в смысле наших драгоценных исторических заветов».¹¹⁰

Одинаковым образом и «Гражданин» видел в рескрипте гарантию сохранения существующего государственного строя. Однако полному торжеству Мещерского, проповеди которого начинали вновь претворяться на практике, мешало теперь одно весьма существенное опасение. «А что, — задавал он вопрос, — если дворянство, о воссоздании коего так заботятся друзья порядка и адепты самодержавия, обратит свои воскресшие силы на

¹⁰⁹ Витте — Победоносцеву, 29 апреля [1895]. Красный архив, 5(30), 1928, стр. 97. — Это письмо публикатор датирует 1895 г., что, очевидно, неправильно. Оно безусловно относится к 1897 г. В 1895 г. в апреле никаких рескриптов по дворянскому делу, да еще способных возбудить такие волнения, не было, в чем легко убедиться, просматривая «Собрание узаконений и распоряжений правительства» и «Правительственный вестник». Трудно было ожидать, что, едва взойдя на престол, Николай II, у которого не было к этому моменту никакой собственной программы, мог сразу отважиться на столь значительную и радикальную меру. Зато это письмо всем своим содержанием полностью вписывается в контекст событий, связанных с появлением рескрипта 13 апреля 1897 г. Оно было написано по его горячим следам.

¹¹⁰ Дворянский вопрос, стр. 2. Московские ведомости, № 102, 15 апреля 1897 г.

либеральную политическую пропаганду...».¹¹¹ Действительно, все более накапливались и становились все заметнее факты, заставлявшие усомниться в безусловной политической благонадежности всего дворянства. Опора, на которую возлагалось столько надежд, при ближайшем рассмотрении оказывалась не такой уж прочной. Та простота, с какой подошли к делу «Московские ведомости» и организаторы Особого совещания, была мнимой. В действительности стоило лишь взглянуть немного вперед, как это сделал Мещерский, и сразу все становилось чрезвычайно сложной и трудной для решения задачей.

А главное, тот наставший для старорежимного дворянства «последний льготный час», о котором не раз говорилось в эти годы, уже давно прошел, если он вообще существовал когда-нибудь. Объективно в конце 90-х годов положение складывалось так, что дворянство еще могло добиться кое-каких тактических успехов, на том или ином участке улучшить свои позиции, на какой-то момент гальванизировать прошлое, но на этом его возможности исчерпывались. Широкая дворянская реконкиста была неосуществимой фантазией.

Самодержавию не дано было остановить поступательное развитие, и на исходе столетия Россия стояла на пороге событий, открывавших новую эпоху в ее истории. В последнее пятилетие XIX в. на исторической сцене происходит коренная перестановка и обновление действующих сил. К этому времени относится начало массового рабочего движения. Многим современникам стало понятно, что с российским пролетариатом в политическую жизнь вошла новая сила, способная радикально повлиять на общественную эволюцию. Пройдет еще немного лет, и социалистическая революция сделается реальной перспективой.

Последние годы века были свидетелями утверждения в России капитализма, покрывшего страну десятками огромных заводов и приступившего к образованию монополий. Он не претендовал еще на первое место в общественной иерархии, но действовать вопреки этой общественно-экономической формации, достигшей на рубеже веков полной зрелости, восстанавливать в сколько-нибудь широких масштабах порядки иной эпохи было совершенно безнадежным предприятием.

Наконец, в эти годы в России широко распространяется марксизм и начинается формирование марксистской партии. Лишь единицы могли тогда оценить значение этого факта, а между тем он означал, что пробил час и самодержавия и вообще всей старой России со всем, что в ней было старого и нового — всему этому оставалось жить всего двадцать лет.

¹¹¹ С чего начать, стр. 2. Гражданин, № 30, 20 апреля 1897 г.